

Хранители Седых холмов

Леока Хабарова

Леока Хабарова
Хранители Седых Холмов

«Автор»

2026

Хабарова Л.

Хранители Седых Холмов / Л. Хабарова — «Автор», 2026

Проклятье Пагубы не знает пощады. Ледорез теряет всё: рассудок, память, любимую женщину. Измученный, он скитается по Гиблостепям и попадает в лапы работорговцев. Теперь он – невольник. Безмолвный и покорный живой товар, готовый исполнять любую прихоть хозяев. Но прошлое врывается сокрушительным вихрем, возвращая смысл жить и сражаться... Третья часть трилогии

© Хабарова Л., 2026

© Автор, 2026

Леока Хабарова

Хранители Седых Холмов

ГЛАВА 1

Мне бы вспомнить, что случилось не с тобой и не со мною
Я мечусь, как палый лист, и нет моей душе покоя
Ты платишь за песню полной луной, как иные платят звонкой монетой
Я отдал бы всё, чтобы быть с тобой, но может тебя... и на свете нету...
(с) Королевна. Мельница

ВАЖНО!

Уважаемые читатели, перед вами заключительная часть трилогии о похождениях Яромира Ледореза. Первая часть «Хозяйка Седых Холмов». Вторая часть «Хозяин Седых Холмов». Третья часть «Хранители Седых холмов». Приятного чтения.

Вепрь точно знал, кого убьёт первым.

Это будет несложно. Неповоротливый, с тяжелой секирой, противник даже замахнуть толком не успеет. А вот со вторым, похоже, придётся повозиться: слишком уж ловко щуплый тарханец вертит саблями. Так просто к нему не подобраться – заденет. Да и клинки наверняка ядом сдобрены: вон, как маслянисто блестят. Но это детали. Мелочи. Пустяки. И не с такими справлялись.

Вепрь отложил точильный камень и поймал отполированным лезвием луч полуденного солнца. То, что надо.

– Заставь их визжать, – Торговец мясом кивнул на зрителей и, подмигнув, хлопнул его по плечу.

Вепрь ответил кивком. Он всё понимал.

На Кровавую потеху шли за зрелищем. И чем затейней выходил бой, тем охотнее обыватели расставались с монетами. Серебро текло рекой: всякий хотел сделать ставку. Удвоить. Утроить. Выиграть.

На Вепря тоже ставили. Много. Иногда даже золотом. И если сейчас всё сложится, как задумано, Торговец мясом уйдёт с арены богатым человеком. Ну, а если не сложится...

Вепрь крутанул меч, примеряясь.

Полгода назад Торговец мясом выкупил его у капитана лерийского судна за горсть медяков и с тех пор сделал на нём целое состояние. Торговец мясом кормил, одевал и содержал раба так, как не каждый нойон пестует собственных наследников: тщательно проверял, насколько свежую телятину ему подают, из кожи какой выделки шьют доспех, на какую перину укладывают спать. Да что там! Он лично осматривал невольниц, которых приводили к Вепрю после боя. Правда, на то имелись особые резоны...

– Не подведи. – Торговец мясом снова хлопнул его, а когда Вепрь двинулся к выходу на ристалище, дважды черкнул кресалом о кремень. На удачу.

Толпа ожила. Зеваки жаждали крови. Они вскидывали вверх кулаки и рвали глотки:

– Убей! Убей! Убей!

Щуплый тарханец приветствовал зрителей, затейливо крутанув клинки. Здоровяк поцеловал секиру. Вепрь смачно харкнул под ноги, ловчее перехватив меч.

Толпа взревела.

Тарханец атаковал первым. Подлетел, заплясал. Парировать стремительные выпады оказалось непросто, но Вепрь справлялся: уворачивался, отбивался, намеренно разрывая дистанцию. Сталь звенела. Удары сыпались один за другим. Саблекрут метил в корпус: рубить сверху он не мог – рост не позволял. Зато гад на редкость ловко нырял под клинок и достать его никак не получалось. Здоровяк тем временем подбирался сзади, осторожно ступая полукругом. От широкого лезвия секиры отражались солнечные блики.

Ближе, ближе, ближе, ближе...

Мощный замах, и Вепрь резко дёрнул в сторону. Как раз в тот момент, когда тарханец рванулся вперёд, ошестинившись саблями...

Сталь рассекла плоть. Тёмная кровь закапала на раскалённый песок, и Здоровяк рухнул, как подкошенный. Сперва на колени, потом мордой в землю. Секира шмякнулась рядом.

Зрители повскакивали с мест, вопя от восторга: вот это зрелище! Союзник убил союзника!

Вепрь встретился взглядом с уцелевшим противником. Тарханец сощурился, крутанул саблю на запястье и ринулся в атаку со скоростью молнии.

Он почти его достал. Почти. Вепрь отскочил в последний момент, развернулся и обрушил град ударов сверху, вынуждая саблекрута уйти в оборону. Тарханец пятился. Отбивался. Пару раз порывался контратаковать, но Вепрь пресёк эти попытки несколькими яростными выпадами. Он пёр на тарханца, грамотно используя рост, вес и мощь, и теснил бедолагу к краю ристалища. Лишённый возможности маневрировать, саблекрут вскинул клинки и, скрестив лезвия, захватил летящий меч в ловушку. Знатный приём. Мало кто владел им так же искусно. Рывок, и Вепрь остался без оружия: меч отлетел в сторону и упал на песок. Тарханец зловеще улыбнулся... и тут же получил кинжал в бочину. Вепрь всадил нож по самую рукоять, для верности повернув в ране. Саблекрут захрипел, захлёбываясь красными пузырями. Ноги его подогнулись. Вепрь без лишней спешки обошёл истекающего кровью тарханца, подхватил меч и одним ударом снёс противнику башку. Обезглавленное тело мешком повалилось на песок.

Толпа возликовала. Зрители кричали и пронзительно свистели, сунув в рот мизинцы, кидали на песок бляхи, медяки и гнутые тарханские полумонеты.

– Молодец! – Торговец мясом выскочил на ристалище. – Смотри, как они тебя любят! – Он вдруг нахмурился. – Это ещё что?

На мягкой белой ладони Торговца остался красный след.

– Он что, тебя задел?!

Вепрь не ответил. Он не заметил ранения. Даже боли не почувствовал. Подумаешь, царапина. И даже если в кровь попал яд – всё равно.

А вот Торговцу мясом явно было не всё равно.

– К лекарю! Срочно! – возопил он и, ухватив Вепря за локоть, поволок с арены в тёмные и прохладные нижние покои.

Суетливый, надушенный, разодетый в долгополые шелка Торговец напоминал наездку, что кудахчет над несмышлёным цыпком. Он то и дело давал указания лекарю, совсем загонял рабынь и разволновался так, что самому понадобились нюхательные соли.

– Не тревожьтесь, господин, – успокаивал лекарь, бинтуя Вепрю могучий торс. – Не изводите себя. Ваш боец вне опасности: он силен и здоров, как бык. Ему ничего не угрожает. Ручаюсь, он выиграет ещё множество боёв!

– Твои слова да Солнцу в уши, Янгарь! – Торговец мясом накапал в ложку сердечных капель. – Вепрь – моё главное сокровище. Второго такого во всём Тархане не сыскать!

– Откуда он у тебя? – лекарь принялся растирать Вепрю плечо заживляющей мазью. Мазь жгла и воняла собачьим дерьмом.

– Купил, когда шёл с караваном из Лерии. Галеру атаковали солёные братья, и Вепрь разделался с ними при помощи весла. А когда выкинул за борт последнего – сел и продолжил

грести, как ни в чём небывало, представляешь? Когда мы пришвартовались в Улас-Хоре, я сразу же выкупил его. И весло тоже.

– А весло зачем?

– Бойцовых рабов можно брать только вкупе с оружием, так велит обычай: иначе не будет успеха в бою.

– Занятная байка! – усмехнулся Янгарь и шлёпнул Вепря по широкой спине. – Готово. Завтра будет, как новый. Ну а сегодня – крепкий сон, умеренная пища и никаких плотских утех: организму следует восстановиться.

Торговец мясом рассыпался в благодарностях, подкрепив их звонкой монетой. Он проводил целителя на выход, откланялся и повернулся к Вепрю.

– Встань и разденься полностью, – приказал, щёлкнув пальцами, на каждом из которых блестело по перстню. – Я осмотрю тебя лично. Нынешние лекари ни на что не годятся!

Пока невольник разоблачался, Торговец мясом плеснул себе вина, пригубил и потёр висок.

– Право, вся эта нервотрёпка так выматывает! Мне даже выигрыш ещё не принесли. Сколько можно ждать?

Когда на Вепре не осталось ничего, кроме шрамов, в дверь постучали.

– О! Моё золото! – встрепенулся Торговец. – Наконец-то!

Он велел рабыне впустить посетителя, а сам раздулся, точно индюк на ярмарке. Однако вместо сундуков с монетами на пороге обнаружился долговязый тип в тёмных одеждах.

– Мастер Бара Шаад?

– Он самый. – Торговец мясом приосанился и вскинул голову. – Назови и ты своё имя.

– Моё имя тебе ни к чему. А вот того, кому служу, назову с великой радостью. Таймур Тархан, Сиятельный властитель Золотых песков. Знакомо?

Торговец мясом нервно сглотнул и попятился.

– Да пошлёт доброе Солнце тысячу лет Величайшему из каганов! – проблеял, бледнея.

Визитёр удовлетворённо кивнул и бросил взгляд на обнажённого Вепря.

– Это твой раб? – акцент он сделал на слове «твой».

Торговец мясом воспрял и подобрался.

– Мой. Приобретён в Улас-Хоре. Купчая имеется. Показать?

– Не трудись, добрый мастер. И не беспокойся. Тебе верят. И предлагают хорошую сделку. Пятьдесят кварталей золотом за одного раба.

Торговец мясом приоткрыл рот, точно дохлая рыба, но быстро взял себя в руки. Ухватился за штоф с вином. Наполнил кубок.

– Предложение щедрое, не спорю, – сказал, сделав глоток. – Но Вепрь не продаётся.

– Вне всякого сомнения, – кивнул долговязый. – Днём он принёс тебе без малого три квартеля. А после заката, полагаю, принесёт ещё больше. Не так ли?

Торговец мясом позеленел. Пальцы судорожно стиснули кубок.

– Ты приводишь к нему в клетку юных рабынь, которых он лишает девства на потеху зрителям, – продолжил человек в чёрном. – А когда сластолюбцы удовлетворяют похоть и расходятся, приглашаешь иных гостей. Точнее – гостей. Женщин высоких родов, которые за большие деньги (и, разумеется, в строжайшем секрете) ложатся под неутомимого Вепря. Говорят, он не знает устал и готов оприходовать любую: красавицу, уродину, старуху...

– Это неправда! – взвизгнул Бара Шаад.

– Не отрицай. Истина ведома нам обоим. Продай раба, и никто не узнает о твоих маленьких шалостях.

Торговец мясом пошёл пятнами.

– Зачем он вам? Убивать, жрать и сношаться – всё, на что он способен!

– Надеюсь, что так, – непоколебимо отозвался визитёр.

– Что будет, если откажусь? – глухо спросил Бара Шаад.

Визитёр хмыкнул.

– Четыре луны назад ты принял золото от благородной пэри. Она заплатила квартиру за полную ночь.

Бара Шаад поджал губы и раздул ноздри. Вепрь же стоял недвижно с каменным лицом, хотя высокородную вспомнил сразу. Настоящая кошка в охоте. Горячая, голодная, она жаждала грубой мужской ласки... и сполна получила всё, что хотела. Той памятной ночью Вепрь отжарил её так, что к утру пэри охрипла от криков.

– Не понимаю, о чём ты. – Торговец мясом отпил вина.

– Она понесла.

– И что с того? Может, она ложится под каждого.

– Всё может быть, – согласился человек в чёрном. – Да только её супруг и повелитель, отважный нойон Бахтур Оним, на днях возвращается из похода. Об ублюдке в брюхе жены ему доложат незамедлительно, будь уверен, и он разберётся с потаскухой по всей строгости обычая. Но перед тем, как отправить неверную на растерзание псам, вместе с зубами выбьет у неё имя. Точнее – прозвище. Угадаешь, чьё?

– Меня это не касается.

– В самом деле? – визитёр вскинул тёмные брови. – По нашим законам, за деяния раба ответственность несёт хозяин. Ты – мудрый человек. Пораскинь мозгами и прикинь, чем придётся отвечать за такое.

Торговец мясом посмурнел. Молчал он долго, но в конце концов вскинул голову.

– Пятьдесят пять квартир золотом, – сказал твёрдо. – И ни граном меньше!

– Идёт, – просиял служитель кагана. Он прошествовал к Вепрю и окинул его взглядом. – То, что я вижу, мне нравится. Назови своё имя, раб.

Вепрь смолчал.

– Ты вырезал ему язык? – поинтересовался визитёр у Торговца мясом.

– Не было нужды, – бесцветно отозвался Бара Шаад, снова наполняя кубок. – Он немой.

ГЛАВА 2

Служителя кагана ждали носилки – задрапированный плотной светлой тканью паланкин, украшенный золотыми змеями, символом древней Тамук-Тарханской династии. К носилкам прилагались рабы – дюжие смуглолицые молодцы в ошейниках и набедренных повязках. Их физиономии заметно вытянулись, когда они увидели хозяина в сопровождении Вепря: мало кому охота таскать на горбу чужие туши, да ещё в такую жару! Однако внутри Служитель не полез. Махнул рукой, и к ним подвели рыжего мерина.

– В седле усидишь? – Служитель щёлкнул пальцами, подзывая рабов. – Ну ка, помогите ему.

Первый невольник ухватил мерина за узду, а второй – темнокожий и лысый, как колено – вознамерился подставить ладони под ступню нового хозяйского приобретения.

Вепрь глянул так, что оба шарахнулись, и, сунув ногу в стремя, ловко вскочил в седло. Взял поводья.

– Смотрю, ты не промах, – улыбнулся Служитель. Улыбка у него была нехорошая. Опасная. Губы кривились, а глаза оставались холодными. Вепрь немало повидал таких на своём веку. Только вот... Не помнил, где, как и при каких обстоятельствах. – И чур без фокусов!

К величайшей радости невольников, он тоже предпочёл паланкину коня. Вороного тамук-тарханского жеребца. Стройного, голенастого с лоснящейся шерстью и великолепными зубами. Вепрю пришло в голову, что зверюга стоит дороже всех четырёх рабов вкупе с носилками.

Служитель тронул воронка, и вся процессия неспешно двинулась вперёд. Вепрь подметил, как от стены из жёлтого песчаника отделилась тёмная тень и последовала за караваном.

Чёрный человек. Он всюду таскается за ним, точно привязанный. Ходит и бормочет что-то. Смотрит украдкой. Иной раз снилось, будто призрак болтает без умолку. Однажды Вепрь хотел поймать его, но не смог: человек обернулся дымкой и исчез.

– Всегда любил смотреть, как ты бьёшься, Северянин, – сказал Служитель, когда они выехали на продуваемую всеми ветрами пустынную равнину. Разговор он завёл на языке Хладных земель, при этом изъяснялся свободно и почти без акцента. – Ты рубака? А может, рыцарь? Впрочем, неважно. Сегодня я поставил, что ты уложишь обоих до того, как солнце встанет в зенит. И выиграл. Это приятно. Люблю выигрывать! В прошлый раз не свезло, я продул: против тебя билось трое копейщиков, а под конец выпустили песчаного кота. Копейщиков ты уделал в два счёта, а вот с котярой долго морочился – тебя с ристалища полумёртвого уносили. По твоей милости я потерял четверть квартеля золотом!

Вепрь хмуро зыркнул на него.

– Потому я здесь, – продолжил Служитель. – Кое-кто хочет насладиться тобой до того, как тебя выпотрошат.

Насладиться?

Вепрь нахмурился. И нахмурился всерьёз. Там, в нижних покоях, этот тип чётко дал понять, кому служит. Его господин – каган. Сиятельный Таймур Тархан, властитель Золотых песков, покоритель барханов, гроза Дэвов и укротитель суховея. Парнишка двенадцати зим.

Что за...

Служитель, видать, подметил его гримасу.

– Ты подумал о кагане, верно? – он расхохотался и покачал головой. – Я служу кагану, но не его слуга. Моя госпожа – Сиятельная каганэ, мать нашего правителя.

Мать? Твою же мать...

– Каганэ случайно увидела тебя на Кровавой потехе, и с тех пор не пропускала ни одного боя с твоим участием. А когда песчаный кот едва тебя не искалечил, снарядила меня к Баре Шааду с более чем щедрым предложением. И вот, ты здесь.

Он помолчал, внимательно наблюдая за реакцией, но, так ничего и не дождавшись, пояснил:

– Сиятельная госпожа собирает особую коллекцию. И ты – та диковинка, которой ей недостаёт.

Вепрь даже бровью не повёл.

Новость особо не впечатлила. Отбрось шелуху, и останется главное: слабой на передок богатейке приспичило полюбовиться. Вот и весь сказ.

Ну, так значит так. Особой разницы нет. Под него и так подкладывали всех, кого можно и нельзя: толстых, тощих, старых, молодых, красавиц, уродин, богатеек, невольниц... Но, справедливости ради, мать кагана он ещё не пёр.

Они миновали дорожный указатель и двинулись в сторону Шатров, что раскинулись промеж двух оазисов, где неспешное течение реки Тамук сливалось с мощными водами могучего Тархана. Давным-давно Шатры были просто кочевьем, но спустя пару столетий, когда тарханцы окончательно осели, стоянка превратилась в столицу нового государства: Великого Тамук-Тарханского каганата.

Мерин медленно тащился за воронком Служителя. Следом двигалась охрана. Позади, глотая пыль вперемешку с песком, плелись рабы. Они волокли носилки, в которых лежал меч. Тарханцы верили в силу обычая сильнее, чем в богов, и Служитель прикупил клинок вместе с Вепрем. Хитровыдуманный Бара Шаад запросил за оружие два полновесных квартеля. Служитель дал полтора.

Зря. Никчёмная железяка годилась лишь для потешных боёв. Но...

Даже ей Вепрь мог перебить весь караван: рабов, Служителя, охрану... А после вскочить на воронка и умчаться в закат.

Но ничего такого не хотелось. Не хотелось ничего вообще. Тяжёлая голова гудела, а перед глазами стелился кровавый туман.

Песок стал бордовым, небо залило чернотой, а ветер принёс с собой запах тлена и скорби.

– Прорывайся к некрам! – орёт знакомый голос. – Я их задержу!

Мертвяки и сотворённые прут изо всех щелей. Воят. Норовят разорвать на куски. Клацают зубами. Рычат.

Вепрь рубит их наотмашь, а они прут, прут и прут...

Он весь в крови, саже и гнилье. Мышцы сводит от напряжения. В боку саднит – кажется, ранен. Но он не останавливается. Он должен прорваться. Должен. Иначе нельзя.

Вход в башню зияет чернотой. Ступени крошатся. Выше, выше, выше...

Наверху живая преграда. Девочка. Синие глаза. Лённые косы. Она кидает заклятье. Смертельное. Морозные иглы впиваются в плоть. Боль накрывает, конечности повисают плетями, не слушаются, пальцы деревенеют, а грудину словно ножом режут: дышать невозможно.

Холодно, холодно, холодно!

Но кровь внутри горячая. Вполне сгодится, чтобы растопить лёд и развеять чёртово заклятье!

Кинжал ложится в руку. Сжать пальцы не просто, но с третьей попытки выходит. Замах, лезвие впивается в бедро, и Вепрь, стервенея от боли, кромсает ледяную корку...

– Проклятье! – возглас Служителя заставил очнуться. Вепрь неохотно вернулся в реальность и сощурился, всматриваясь туда, куда глядел его новый владелец. Точнее – перекуп.

На востоке занимался суховей. Песчаные воронки поднимались к потемневшему небу, а в сгустившихся тучах полыхали алые вспышки. Нехорошо...

– Поворачиваем! – скомандовал Служитель. Он дёрнул поводья, и резвый воронок принял влево.

Ясное дело! Угодишь в суховей – разметает по всей пустыне, костей не соберёшь.

– Но, господин! – взвился один из охранников. Бородатый и поджарый, явно опытный. – Туда нельзя! За барханами – сад костей, птицы Рух сносят туда добычу.

Служитель нахмурился.

– Придётся рискнуть, – сказал он. – От птиц можно укрыться, а суховей не оставит здесь камня на камне. За мной!

Процессия свернула к барханам. Вепрь ехал, равнодушный ко всему и пялился в пустоту перед собой невидящим взглядом. Суховей, птицы Рух – всё одно. Глупая, ничего не значащая суета. Чёрный человек ступал рядом, то появляясь, то исчезая вновь.

Кто он? Откуда взялся? Чего хочет? Вепрь не знал, но понимал: этого парня никто, кроме него, не видит. Но это было меньшей из проблем: чёрный человек оказался не единственным обитателем большой головы. Частенько его сменял другой – безликий и бесформенный, жуткий, говорящий разными голосами монстр с осклизлыми щупальцами вместо рук. Он таился в щелях, приоткрытых дверях, прятался под койками и лавками, сливался с тенями. Безликий звал, шептал, скулил, плакал, угрожал, и порой Вепрь откликался, терял себя, проваливаясь в мрачное беспамятство. Монстр заставлял убивать. Убивать много и часто, и противиться ему было очень трудно. Не раз и не два Вепрь приходил в себя окровавленный, среди изрубленных тел, и не мог вспомнить, где он и что произошло. И это сводило с ума...

Иногда по ночам, когда становилось неважно от голосов и страхов, Вепрь орал до хрипоты – звал на помощь. Во сне он точно знал, что не одинок, и есть те, кому он нужен и важен, но стоило пробудиться, и всё растворялось. Голова тяжелела, а память превращалась в чистый лист, изгвазданный кляксами помешательства.

Безумие. Пустота. Одиночество. И больше ничего.

Торговец мясом не соврал: жрать, убивать и сношаться – единственное, на что Вепрь остался способен. Что ж... Для душевнобольного не самый плохой вариант.

Раскалённое солнце клонилось к закату, заливая барханы карминовым светом, но жара не спадала ни на йоту. Вепрь потел сильнее, чем мерин под ним, и вонял, наверное, куда ядрёней. Волосы прилипли к морде. В глотке пересохло. Дорожный указатель остался далеко позади, ветер обжигал мокрые от испарины щёки, и пить хотелось невероятно. Рабы с носилками безнадежно отстали: Служитель подгонял их окриками и в конце концов дал остальным знак притормозить. Вынужденная остановка стала облегчением для всех.

– Далековато мы забрались, – пробурчал один из стражей, снимая с пояса флягу.

Говорил он на тарханском, но Вепрь за полгода наловчился различать слова и целые фразы. К тому же, он был полностью согласен – забрались в самом деле далековато: отклонились от тракта на лигу, не меньше.

– На две, – уточнил Чёрный человек, и Вепрь чуть не вывалился из седла.

Видать, с головой совсем всё плохо, раз призрак заговорил. Да ещё и мысли читает!

– Твои мысли для меня – открытая книга, – парировал Чёрный. – А с головой у тебя действительно неполадки. И серьёзные.

«Плевать», – подумал Вепрь.

– Не скажи, – возразил Чёрный. – Думаешь, мы впервой беседуем? Как бы не так! Просто всякий раз ты забываешь, и всё начинается сызнова. И такая чепухня будет продолжаться, пока ты не вспомнишь имя.

«У меня нет имени, – угрюмо размышлял Вепрь. – И прошлого тоже нет».

– Ну, началось! – всплеснул руками призрак. – Хотя бы упрямство твоё при тебе, уже хорошо. Хочешь дружеский совет?

Нет.

– Держись ближе к паланкину. Туда, помнится, Служитель закинул железяку, именуемую в здешних широтах мечом. Сердцем чую, она пригодится.

Сказав это, Чёрный выразительно глянул на пологий бархан, за которым, по словам стража, лежал таинственный сад костей.

ГЛАВА 3

«Сад» полностью оправдывал название. На мёртвой, изрытой трещинами земле, высились здоровенные, иссушенные добела кости. Всюду, куда ни кинь взгляд, валялись мослы один больше другого. Некоторые остовы всерьёз пугали размерами: Вепрь даже представить не мог, каким зверюгам могли принадлежать такие огромные рёбра и черепа. Пещерным носорогам? Мамонтам? Бегемотам? Или...

Один скелет заинтересовал особенно сильно: исполинский и, похоже, крылатый ящер с длиннющим шипастым хвостом.

Вепрь нахмурился. В исковерканной памяти вспышкой мелькнуло воспоминание... и тут же погасло.

– Дракон, – ухмыльнулся Служитель, придержав воронка. – Ты это подумал, верно?

Нет.

Он протянул флягу. Вепрь не стал отказываться: принял и сделала пару жадных глотков.

– Увы, это не дракон, – продолжил Служитель, скользя взглядом по белым костям. – Всего лишь подобие. Зовётся виверной. Настоящий дракон гораздо крупнее этой твари. И куда умнее. Драконы – соль этой земли, Северянин. Неиссякаемые источники магической энергии. Жаль, их почти не осталось.

Вебрь вернул Служителю флягу. Рассуждения волновали мало. Как, впрочем, и всё остальное. Однако, кое-кому, похоже, приспичило почесать языком.

– Говорят, когда сгинут драконы, магия исчезнет, – продолжил Служитель. – А ещё говорят, единственный уцелевший дракон спрятан далеко на севере в непроходимых чащобах. Красный змей – так его нарекли ваши предки. Слыхал о таком?

Вебрь даже головой не мотнул. Не смог. Острая боль пронзила башку от виска до виска, и он стиснул зубы, чтобы не застонать в голос. Зажмурился.

Красный змей... Красный змей... Красный змей разбудит спящих...

Слова раздирали память. Впивались иглами. Перед глазами маячили размытые образы, но сложить их воедино не выходило: всё рассыпалось. Плыло. Плавилось.

Вебрь схватился за горящую голову, не в силах терпеть, и чуть не вывалился из седла.

– Эй, чего это с тобой? Смотри, товарный вид не потеряй! – Служитель подъехал ближе и, убедившись, что Вебрь не намерен помирать, скомандовал подручным: – Шустрее, пока чёртова жара не доконала нас всех.

Они двинулись и ехали целую вечность, но жуткий костяной сад и не думал кончаться. Он раскинулся от края до края, куда хватало глаз, и казалось, будто пустые глазницы диковинных черепов внимательно наблюдают за пришельцами, посмевшими нарушить чужой покой. И тишина стояла такая, что можно было расслышать, как измотанные невольники скрежещут зубами.

Солнце скрылось за барханами, дышать стало легче, а ветер сделался промозглым и колючим. Он безжалостно кусал потрескавшуюся от жары кожу, отчего рожа горела огнём, а губы кровили. Холодало стремительно: бесплодная земля остывала так же быстро, как нагревалась.

Когда на небосклоне засияли первые звёзды, над головами, шелестя крыльями, пронеслась гигантская тень. А потом летающая тварина крикнула. Пронзительный клёкот отразился от безмолвных барханов и растворился в чернеющих небесах. Рабы побросали держатели паланкина и пали ниц, закрывая головы руками. Стражи схватились за кривые тамуктарханские сабли. Кони заплясали, топоча копытами иссохшую равнину.

И только Служитель кагана остался непоколебим, точно скала.

– Без паники! – скомандовал он. – Рух не нападёт. Люди для них, ровно для нас – черви: бесполезная добыча. Птица атакует, только если почует угрозу. Ведите себя тихо и держитесь подветренной стороны. За мной!

Вебрь поглядел на Служителя. Похоже, тип знает, о чём толкует.

– Похоже на то, – отозвался возникший из ниоткуда надоедливый призрак. – Ты тоже это знал. Но забыл. Ты много чего забыл. И теперь надо вспомнить.

Надо вспомнить. Надо... Надо... Надо...

– Давай остановим время...

Она лежит на мягкой траве и улыбается. Из одежды на ней только синий цветок в волосах. Это он подарил его ей. На коже блестят капельки пота. В лучистых глазах столько тепла, что можно согреть целый город самой студёной зимой.

Он улыбается в ответ, накрывает ладонью упругую грудь, а губами впивается в губы. Так сладко...

Вебрь зажмурился и мотнул головой, прогоняя чёртово наваждение. Вот же...

– Эй, Северянин, – Служитель подъехал ближе. – Чего косоротись? На солнце перегрелся?

В ответ Вепрь хмуро зыркнул и дал мерину шенкеля, посылая вперёд.

– Ничего, сейчас охланёшь, – не отстал Служитель. – И ничего не бойся. О здешних тварях я знаю всё. Моя книга – «Краткий Бестиарий земель познанных и непознанных» – жемчужина библиотеки Великого кагана. Переведена на шесть языков!

Болтун.

– А ты обучен чтению?

Вепрь стиснул зубы. Вот же репей цеплючий. И чего ему надо?

– Известно, чего, – шепнул призрак, возникая по правую руку. – Разговорить тебя. Он подозревает, что ты дуришь всех своей немотой, вот и старается. Постельным частенько урезают языки: бабу приласкать они ещё могут, а вот разболтать государственную тайну уже нет.

Погань.

– Повезло, что вместе с памятью ты лишился дара речи! – многозначительно изрёк призрак.

Да уж. Повезло...

Вепрь хмуро понурился. В висках опять жгло, и далёкие барханы казались красными, как кровь.

Он пролил много крови. Очень, очень много. Он помнил, как очнулся среди сотен изрубленных тел. Совсем ошалевший, потерянный, без памяти... Он кричал. Как животное. Как дикий зверь, попавший в капкан. Вопил до хрипоты, пока не лишился чувств, а в себя пришёл уже скованным в скрипучей телеге: песеголовцы везли его на торги. Говорить он не мог: всякий, кто отведал чужой плоти, забывает человеческий язык...

Так и не дождавшись ответа, Служитель многозначительно хмыкнул и послал воронка вперёд лёгкой рысью. Стражи прищпорили коней, чтобы поспеть за своим господином, и даже обременённые паланкином рабы ускорили шаг. Никому не хотелось оставаться в Костяном саду дольше, чем требовалось. Особенно сейчас, когда ночь вступала в свои права.

Рухи продолжали кружить в темнеющем небе. Их огромные крылья шелестели, а пронзительные крики разносились далеко-далеко, до самого горизонта.

– Почему они кричат? – шёпотом спросил один из стражей.

– Не знаю, – ответил другой. – Но явно не к добру.

Вепрь задрал голову и проводил очередную тень долгим взглядом. Ну и здорова же дура!

– Боец прав, – тихо проговорил Призрак. – Неспроста эти синички расчирикались. Что-то здесь не чисто.

Вепрь хмуро зыркнул на невидимого собеседника. А ведь и в самом деле... И Служитель, похоже, тоже заподозрил неладное. Весь подобрался, а притороченные к седлу ножны передвинул ближе, под самую руку.

Всё произошло быстро. Вепрь даже моргнуть не успел. Дремавшая на остывшем валуне тарханская кобра вздыбилась, зашипела и угрожающе раздула капюшон. Кони, взоржав, шарахнулись, и один из стражей обнажил ятаган – рубануть змеищу.

– Нет! Никакого оружия! – возопил Служитель, но было поздно: исполинская тень спикировала вниз, и стражник с воплями забился в острых когтях.

Рух подхватила его легко, точно котёнка, и взмыла в небеса. А спустя миг под ноги коней шмякнулась вырванная из плеча рука, по-прежнему сжимавшая клинок...

– Проклятье! – Рыкнул Служитель, осаживая перепуганного воронка. – Рассредоточиться! Укрыться!

Стражи и рабы кинулись врассыпную, а птицы с клёкотом кружили над головами. Темнокожий лысый невольник запустил в пернатую хищницу булыжником, и тут же поплатился: его растерзали даже быстрее, чем стражника. Рухи атаковали на редкость слаженно и жестоко

разделялись с незванными гостями: острые клювы и когти вонзались в человечесью плоть, как в мягкое тесто, и кровь лилась рекой.

Вебрь спрыгнул на землю, согнулся в три погибели и, прячась за скелетами неведомых тварей, мелкими перебежками добрался до опрокинутого паланкина. Там обнаружился ошавший от страха раб. Завидев Вебря, бедолага шарахнулся и затараторил что-то на непонятном наречии, а потом вдруг выскочил из портшеза аккуратно под когти разъярённой Рух. Она склевала невольника, словно курица майского жука, и, грозно клекотнув, вознамерилась закусить Вебрем. Но...

Он уже добрался до меча.

Первый удар успеха не принёс. Как, впрочем, и второй: клюв у таких птичек покрепче чугуна, а реакция быстрее, чем у горной рыси. Рух взлетела, поднимая крыльями ветродуй, и тут же кинулась на жертву. Вебрь отскочил в сторону, перекатился и ударил наотмашь, не позволяя воткнуть в себя острые когти. Рух атаковала снова, и Вебрь подкатом нырнул под пернатое брюхо, жала тварину клинком. Птица заверещала, взмахнула крыльями и поднялась в воздух, увлекая Вебря за собой: он вцепился в когтистую лапу мёртвой хваткой.

Сад костей остался далеко внизу, а барханы раскинулись, куда хватало глаз. Рух бесновалась и дёргалась, пытаясь стряхнуть обузу. Взмывала высоко-высоко и камнем падала вниз, кружила, набирая бешеную скорость, да без толку – Вебрь держался крепко и сдаваться не планировал. По крайней мере сейчас, когда они в десяти сажнях над землёй, откуда уцелевшие караванчики кажутся букашками.

Пернатая бестия зашла на очередной вираж, и Вебрь мысленно выругался: навстречу, лоб в лоб, стремилась вторая птица, размером превосходящая первую вдвое. В жёлтых глазах тварины полыхал хищный огонь, а пронзительный крик напоминал боевой клич.

Погань!

Пальцы пришлось разжать, и Вебрь полетел вниз. Туда, где маячила груда костей высотой с часовню. Он знал, что разобьётся. Не сомневался даже. Поэтому искренне удивился, когда выжил. Ухнулся на что-то мягкое, приподнялся на локтях и... обнаружил себя в гнезде. Огромном, размером с загон, гнездище, свитом из гибких южных вётел. Дно было устлано пухом, перьями и... окровавленными обрывками чьих-то одежд. Но не это привлекло внимание Вебря. А три буро-крапчатых яйца. Таких большущих, что для каждого потребовалась бы отдельная телега.

Рухов приплод. Вот же погань! Понятно теперь, кого они так стерегут.

Отчаянный клёкот раздался над самой головой. Вебрь приготовился быть сожранным, но ничего не произошло, хотя птичий грай становился всё громче и яростней. Рухи кружили над ним, но не атаковали. Почему? Боялись ненароком навредить потомству?

Возможно. Как ни крути, птенцы – это святое. А ещё возможно, что...

Ту-дум! Додумать Вебрь не успел: земля сотряслась, будто в недрах пробудились великаны. Ту-дум. Ту-дум!

Костяная гора заходила ходуном, и Вебрь ухватился за обод гнезда, чтобы не вывалиться. Птицы заверещали так, что заложило уши. От новой встряски гнездо накренилось, и одно из яиц – самое большое – быстро покатилося к краю.

Вебрь успел в последний момент. Под истошные крики пернатых он кинулся наперерез и перехватил сбежавшее яйцо, удачно подставив плечо. Пришлось поднатужиться, чтобы водрузить невылупившуюся тварину обратно к братьям и сёстрам. Так-то лучше!

Зачем спас птенца, понять не успел, да и не до этого было: очередная встряска сбила с ног. Вебрь потерял равновесие, вывалился из гнезда и повис, отчаянно хватаясь за торчащие из плотного плетения лозы.

Твою же медь. А падать-то далеко!

Однако испугаться как следует Вепрь не успел: мощный клюв ухватил за шиворот, больно цапнув спину. Спротивляться не имело смысла, и Вепрь не сопротивлялся. Болтался болванчиком, пока Рух несла его куда-то, постепенно снижаясь.

Птица отпустила его. Просто отпустила и всё. Прицельно сбросила в кучу мелких косточек близ опрокинутого паланкина и улетела прочь.

Ну и дела...

– Ты цел? – встревожился Призрак, когда Вепрь выполз из груди мослов.

Чёртовы кости были везде: угодили под тунуку, набились в сапоги, запутались в волосах. Даже во рту обнаружился какой-то хрусткий позвонок. Тьфу ты, пропасть!

– Почему тебя не сожрали? – спросил подоспевший Служитель. Чёрные глаза его лихо радочно блестели, а рука сжимала ятаган. Не боевой – показушный. С замысловатой вязью по клинку и крупными рубинами в оголовье. Таким только на парадах размахивать.

Почему не сожрали...

Хороший вопрос! Вепрь и сам не знал, но понимал одно: Рухи взволновались не случайно.

Он нахмурился, когда особенно сильный толчок сотряс равнину так, что все кости подпрыгнули. Ту-дум!

Новый удар расколол земную твердь, и на поверхность выпростался небывалых размеров червь: Рухи в сравнении с подземной тварью казались голубями. Круглая, полная острых зубов пасть разверзлась, и монстр, взревев, изверг ядовитое, смердящее гнилью дыхание.

Вот же... погань!

ГЛАВА 4

Вепрь насилу успел выдернуть Служителя из-под смертоносного выдоха: знаток бестий явно впал в ступор.

– Не верю глазам... – пробормотал он. – Это салажан, древний песчаный червь. Они же все вымерли!

– Все да не все, – многозначительно изрёк Призрак.

«Похоже на то», – угрюмо подумал Вепрь.

– Где твой меч? – возопил Служитель, когда червяк-исполин исторг ядовитую струю.

Где-где... в гнезде!

Вепрь метнул взгляд на костяную гору. Червяка, видать, она тоже заинтересовала.

Рухи с клёкотом кружили вокруг гиганта. Догадаться, что именно он, а вовсе не заплывавшие караванчики, главная опасность для приплота, труда не составило.

Служитель попятился. Под сапогом хрустнула кость. Червь мгновенно повернул к нему безглазую морду, зашипел и выпростал длинные языки-щупальца. Огромная пасть его сделалась ещё шире: тварь готовилась брызнуть ядом.

Тратить время на раздумья Вепрь не стал. Выхватил из рук оторопевшего Служителя ятаган и выступил вперёд.

– Ума решился? – Служитель ухватил его за локоть. – Если нападешь, он сожрёт всех нас!

«Нет, – мрачно подумал Вепрь. – Только меня». Он сбросил руку и двинулся навстречу чудищу.

Смрадное дыхание сбивало с ног ураганом; камни, песок, мослы и кости – всё летело прямо в рожу. Вепрь закрылся предплечьем и пёр вперёд, а когда салажан пускал в ход ядовитые струи, нырял за валуны или укрывался под исполинскими черепами. Благо, их здесь хватало в избытке.

Вепрь грамотно менял траекторию, подбираясь сбоку: заходить сзади не рискнул – а ну как тварина шибанёт хвостом?

– А-р-р-р-г-г-г-г-х-х-х! – Червь снова дыхнул, и от лютой вони чуть не вывернуло наизнанку.

Ну и погань!

– Вернись, безумец! – раздался за спиной голос Призрака. – Ты погибнешь!

Пусть.

– Ты должен жить, идиотина упрямая! Иначе...

Что за «иначе» Вепрь не расслышал: голос утонул в рёве, а земля содрогнулась и пошла трещинами. От новой струи яда Вепрь еле увернулся. Прыгнул, откатился и метнулся к ближайшему валуну. Но не успел: длинный язык с присосками обвился вокруг лодыжки, и Вепрь хряпнулся мордой в землю, как подкошенный. Салажан поволок его к пасти с такой скоростью, с какой псеголовцы, развлекаясь, таскают за конями связанных пленников.

Собирать разодранной рожой каждую кочку – то ещё удовольствие. Вепрь перевернулся на спину и на полном ходу уцепился за обломок ребра ближайшего скелета. Затык червя явно расстроил – он утроил старания и вырвал бы Вепрю ногу... если б не нарядный ятаган: сталь прошлась по осклизлому отростку, и обрубленный язык, заметавшись, разразился мерзким писком.

Так-то!

Вепрь рывком сократил дистанцию и со всей дури обрушил град ударов на бочину червя-переростка, но...

Всё бесполезно: ятаган не оставил на толстой, покрытой редкими щетинками шкуре даже царапины.

Вот же...

– Осторожно! – возопил кто-то, и Вепрь разглядел Призрака, который кричал, сложив ладони трубой.

Кричал невидимый не зря: салажан извернулся и с невероятной для его размеров прытью кинулся на жертву. Вепрь шархнулся в сторону, оступился и чуть не провалился в самую глубокую трещину.

Он непременно разбился бы, но его подхватили сильные когтистые лапы.

Рух взмыла в воздух вместе с ношей и, пронзительно клекотнув, кружанаула над червём.

Салажан вздыбился, вынырнув из земной тверди почти на всю длину тела, раззявил пасть, а Вепрь высвободился из птичьей хватки... и спрыгнул напрямик в зубастый зёв.

– Эй, Владивой! Негоже отроку княжьего рода цаплей стоять! – кричит чернявый мальй, но не двигается с места.

Стоят они и впрямь по-идиотски. Каждый на своём кольшике да на одной ноге – вторая попросту не вмещается и потому поджата, а руки растопырены, точно крылья.

– Не хочешь цаплей стоять, поставлю раком. Да так ремнём отхожу, вмиг позабудешь, какого роду!

Угроза звучит основательно: наставник шуток не признаёт. А рука у него тяжёлая – успели убедиться.

Но чернявый не ведёт и бровью. Приосанивается, рокочет аистом и украдкой подмигивает, усмехаясь.

– Э-э-э, божесдурье неотёсанное, – беззлобно ворчит наставник, подмечая их переглядки. – Вам говорили – не лезть. Зачем сунулись? Пара болванов! Дай вам волю, вы бы сутки её зазря охаживали, пока в конец клинки не иступили. Это ж сталешкурая гидра, такую тварюгу запросто так не зарубишь! Здесь подход особый нужен.

– Какой? – тут же вопрошает чернявый.

– Особый, – многозначительно изрекает наставник, воздев к небесам указательный палец. – Коли до первой звезды, не пикнув, продержитесь, научу. А ну-ка подбородки выше, руки в стороны, салаги! См-и-рно!

На всё про всё имелось три удара сердца, но Вепрь успел. Он вспорол тварюгу изнутри. Очутившись в глотке, оцетинился клинком и всадил ятаган в мягкую поверхность нёба, вложив всю силу, которая имелась. Он точно знал, куда бить. Откуда – не помнил.

Кольчатое нутро червя заходило ходуном. Вепрь полетел куда-то вниз и плюхнулся в «ароматные» желчные соки, но ятаган сделал своё дело: в скользкой полости образовалась длинная узкая брешь. Через неё Вепрь и выбрался.

Поверженный салажан распластался среди Сада костей. Огромная туша червя конвульсивно подёргивалась и воняла, как тысяча тысяч протухших яиц. Даже блевотина, и та пахнет приятней.

Поскальзываясь на кишках, Вепрь вылез из-под горы мёртвой плоти. Его заметно шатало – успел хватануть ядовитых паров, – зловонная слизь покрывала с головы до пят, и смердел он не хуже дохлого червя.

– Поздравляю! – усмехнулся Призрак. Он сидел на высоком валуне, свесив ноги. – Теперь салажаны действительно вымерли. Если только у тварюги не осталось братьев и сестёр.

Вепрь косо глянул на него, мысленно послав в зад. Призрак зашёлся хохотом.

Чтоб его разворотило!

– Ты выжил... – Оторопевший Служитель смотрел на Вепря во все глаза. – Ты... Да кто ты... Кто ты такой?

Вепрь не ответил. Молча приблизился, сжимая ятаган.

Служитель мазнул взглядом по клинку и нервно сглотнул. Попятился. Упёрся спиной в здоровую каменюку. Физиономию перекосило от страха.

Вот же...

Вепрь ловко перехватил ятаган и протянул рукоятью вперёд. Зависнув на полмгновения, Служитель принял оружие.

Когда острый серп месяца засиял среди россыпи звёзд, уцелевшие караванщики продолжили путь через барханы. Облачённый в чёрные одежды Призрак спрыгнул с валуна и поплёлся за ними. Сад костей опустел. И только Рухи огромными тенями кружили над мёртвым салажаном, готовясь начать кровавый пир...

ГЛАВА 5

Сиятельная каганэ оказалась высокой статной женщиной. Полностью седая, с высоко собранными волосами, она не казалась старой. Да, в годах. Далеко не юница. Но и не сморщенная старуха, доживающая последние дни. Ухоженная, нарядная, вся в золоте, шелках и драгоценных побрякушках.

– Ух, хороша мамаша! – Призрак, слившись с тенями в углу, беззастенчиво разглядывал высокородную пэри. – Люблю таких. Иной раз прям в охотку, когда постарше. Что скажешь, Мелкий? В конце концов, тебе её переть, не мне.

Вепрь стоял за занавесью и терпеливо ждал, когда Служитель закончит распинаться и пригласит его пред светлые очи.

Настрой был паршивым. Сразу по прибытии его отправили в бани, где четыре хрупкие на вид смуглянки взялись за него так, что мама не горюй. В какой-то момент Вепрь даже пожалел, что не стал обедом салажана. Его мыли, брили, тёрли, скребли, подстригали ногти (даже на

ногах!), чесали волосы щётками, а потом ещё намазали какой-то дрянью, и вонял он теперь сандалом и мускусом, точно напомаженный евнух. Погань!

Но хуже всего, что от усталости клонило в сон. Сознание неумолимо гасло, и всё чаще и отчётливей слышались голоса, зовущие в пропасть безумия.

Вебрь знал, чем подобное может закончиться, а потому крепился из последних сил: не хватало ещё в припадке зарубить половину каганского двора. Пусть хоть сперва ужином накормят...

Наконец, Служитель дал знак. Полуобнажённые невольники опустили на колени и раздвинули тяжёлые гардины, приглашая войти.

Вебрь не стал тянуть вола за яйца. Приосанился и сделал шаг вперёд.

Каганэ смотрела на него. Взгляд тяжёлый, оценивающий, холодный. Почти такой же холодный, как блеск сапфиров в длинных – до плеч – серьгах.

А Вебрь смотрел на неё и понимал, почему она так им заинтересовалась.

Седые волосы, безусловно, когда-то были русыми, а подведённые сурьмой глаза сияли голубизной июньского неба.

Северянка...

– Стало быть, ты нем, – изрекла каганэ на Хладоземском наречии. Судя по говору, происходила она с Западных окраин: только там так манерно растягивали гласные. – Жаль. Хотелось перемолвиться с земляком хоть словечком, покуда не велю урезать язык.

– Она такая милашка, – хмыкнул Призрак за спиной. – И, похоже, ты ей нравишься.

Да уж...

– Для людинов я – Сиятельная Каганэ, – продолжила «милашка». – Для челяди – Госпожа. Для кагана – Матушка. Но зовут меня Айра. Это имя дали мне, когда продали в гарем. Тебя, помнится, нарекли Вепрем?

Вебрь утвердительно посмотрел на новую хозяйку.

– Что ж, побудешь Вепрем до поры. Потом придумаю иное прозвище. А теперь разденься, – потребовала она будничным тоном. – Посмотрю, не прогадала ли я. Шестьдесят кварталей золотом серьёзная сумма даже для матери Великого кагана.

Призрак фыркнул.

– А Служитель-то имеет нехилую мзду! Пять кварталей в карман положил, барыга!

Вебрь оставил замечание без комментариев. Стянул через голову рубаху, развязал тесёмки на холщевых штанах. Всё было новое. Свежее. Смуглянки в банях выдали.

Когда он остался в чём мать родила, Сиятельная Каганэ поднялась с высокого, обитого пурпурным бархатом стула и спустилась к нему. Обошла кругом. Провела ладонью по плечу, спине. Коснулась ягодиц.

– Шрамов многовато, – сказала, цокнув языком. – Никакого товарного вида! Впрочем... глупо ожидать иного от бойцового раба. Енкур сказал, ты сразил салажана. Это правда?

Вебрь кивнул.

– Стало быть, сгодишься не только для потехи. Я найду достойное применение твоим... талантам. – Она выразительно скользнула взглядом по его хозяйству, хмыкнула и вернулась на трон. – Эй, Енкур.

Служитель, стоявший поодаль, ринулся вперёд и в мгновение ока упал на колени у ног Каганэ.

– Похоже, мамаша здесь не последний человек, – задумчиво протянул Призрак.

«Похоже на то...» – Вебрь бросил на незваного спутника косой взгляд. Как ни крути, он говорил дело: перед пустышкой никто так стелиться не будет.

– Препроводи нашего нового друга в чертоги сладострастия, – промурлыкала Каганэ. – А по дороге разъясни, что от него требуется. И пусть выспится. Завтра хочу проверить его в деле.

– Слушаюсь и повинуюсь, госпожа! – Служитель поймал обутую в мягкую парчовую тапочку ступню и прижался губами. – Всё будет сделано в лучшем виде.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась Каганэ. Или как там её? Айра. – До скорой встречи, Вепрь.

Чертоги располагались в дальнем конце гарема. Пришлось миновать бани, крыло наложниц (полсотни красавиц достались юному кагану в наследство от отца), шатёр стареющих женщин, в которых свой век доживали вдовы правителей, комнаты евнухов, палаты Каганэ – они представляли собой целый лабиринт отделанных мрамором и нефритом помещений, но в святая святых допускались только избранные, – малый сад, сад с бассейном, и бесчисленное количество разнообразных террас и галерей. Тут и там расхаживали, распушив нарядные хвосты, павлины. В фонтанах мельтешили крохотные золотые рыбёшки. И повсюду цвели розы. От их запаха голова шла кругом, в носу противно свербило и хотелось чихать.

– Да-а-а! Умеют тарханцы жить с размахом! – тянул Призрак, разглядывая красоты. – Тут одних ковров под сотню. А они, между прочим, ручной работы. Один такой дорожке верблюда стоит. Кстати, о верблюдах. Говорят, у Каганэ имеется собственный зверинец с диковинными зверями!

Вепрь покосился на незримого спутника. Да, уж! Похоже, туда путь и лежит.

– Похоже на то! – хохотнул Призрак. – Ручаюсь, ты будешь самым диковинным зверем в её коллекции.

Вепрь попытался испепелить шутника взглядом, но ничего не вышло.

Служитель тем временем продолжал буробить что-то невероятно длинное и занудное. Вепрь слушал вполуха, но всё же уловил главное: любимцев Сиятельной Каганэ кормили пять раз в сутки, и сейчас как раз близилось время ужина.

– Необходимо услаждать взор госпожи, – наставлял Енкур. Кажется, именно так его звали. – Каждый день ты должен быть вымыт, гладко выбрит и благоухать.

– Что ж, пока звучит неплохо, – проговорил Призрак.

– Держи себя в форме и не вздумай толстеть, она этого не любит. Заплывёшь жиром – в момент определяют в евнухи. И силу мужескую почём зря не транжирь: она для дела надобна.

Вепрь многозначительно промолчал и не менее многозначительно глянул на Служителя. Тот растолковал взгляд по-своему.

– Чего бы ты там себе не надумал, закатай губу обратно: Сиятельная Каганэ – мать Великого Кагана, и никогда под раба не ляжет. По статусу не положено.

– И как тогда её ублажать? – озадачился Призрак.

Вопрос явно волновал его больше, чем самого Вепря. Вепрю было плевать. Но Служитель, как ни странно, ответил.

– Каганэ никогда не участвует, но всегда смотрит. Она сама подбирает невольниц и решает, что именно ты с ними сделаешь. Разумеешь, о чём толкую?

Вепрь кивнул.

– И ещё. – Енкур остановился и заглянул ему в глаза. – Можешь козырять немотой и дальше, язык оставят при тебе, я договорился, но... Если выяснится, что ты солгал, тебя бросят на съеденье псам. Частями.

Вепрь ответил холодным долгим взглядом. Енкур беззлобно хмыкнул и шлёпнул его по плечу.

– Вижу, суть ты уяснил. А теперь поторопись. Пришло время познакомиться с остальными обитателями чертога. К тому же, на ужин куропатки в меду. Негоже упускать возможность сытно поесть с дороги.

ГЛАВА 6

Куропатки выглядели превосходно. Щедро политые мёдом, они лежали на пышных лепёшках. К птицам прилагались крупные тарханские финики, орехи, горы перетёртой моркови, сдобренной пряными специями, а на десерт – чудные продолговатые плоды в зеленовато-жёлтой кожуре.

Вебрь так залюбовался зрелищем, что даже не сообразил сразу, что куропаток всего шесть, и помимо него на них претендуют ещё пятеро крепких молодых мужчин.

Диковинки из коллекции...

Двое чёрных, как смоль, здоровяка с плечами в сажень. Один бритый, другой – нет. У небритого в носу красовалось кольцо. Неугомонный Призрак тут же окрестил его «бычарой».

Двое других не уступали смоляным ни мускулатурой, ни диковинностью. Рослый загорелый молодец разглядывал Вебря с нескрываемым, хоть и явно гнилым интересом. А Вебрь не стесняясь рассматривал его: по торсу, шее, плечам и рукам красавца шла замысловатая вязь узоров, какую обычно носят солёные братья. Загоняют ядовитую краску под кожу с помощью иглы и гордятся без меры: каждая закорючка значит нечто особое. Чем больше узоров – тем успешней пират.

Загорелый сидел в кресле развалившись и мерзко лыбился. А за его спиной высился длинноволосый блондин небывалой смазливости. Гибкий, статный, с яркими изумрудно-зелёными глазами, пухлыми губами и кожей белой, как алебастр.

Пятым оказался паренёк зим шестнадцати. Совсем ещё дитё. Рыжий, точно хурма. Тонкий. Долговязый. И явно перепуганный вусмерть...

Мальчишка пялился на Вебря во все глаза и, кажется, дрожал. С чего бы?

– Это Вебрь, – представил Енкур, нарушая долгое мгновение напряжённой тишины. – Сиятельная Каганэ выкупила его с Кровавой потехи. А это...

Служитель обвёл взглядом честную компанию, но договорить ему не дали.

– Не утруждайся, господин, – изрёк расписной красавец. Говорил он коряво и с сильным акцентом. Напевный тарханский явно давался ему с трудом, но понять было можно. – Я назову всех. Не зря же мне сохранили язык.

– Уж будь любезен, Губитель дев, – кивнул Енкур. – Мне надо спешить. Каганэ заждалась моего доклада. А вы отдыхайте: завтра за вами пришлют.

Он скрылся за резными дверьми и был таков. А Вебрь остался наедине с любимцами Сиятельной Айры. До куропаток, ясное дело, он не добрался...

– Ты, бойцовый хер, – окликнул Губитель дев, едва Енкур покинул чертоги. – Чьих будешь?

Вебрь выразительно промолчал.

– Ах, так, значит? – Губитель вскинул бровь. – Тогда слушай сюда, поросёнок. Я здесь – хозяин всему. И всем. И для каждого тут моё слово – закон. Ясно тебе? А теперь встань на колени и поклонись, дерьма кусок.

Он заржал, и смех подхватили остальные, за исключением мелкого рыжика. Несчастный папан плотнее вжался в угол и, кажется, даже дышать перестал.

Вебрь скрестил руки на груди и посмотрел на расписного, как на таракана. А для пущей ясности смачно харкнул аккурат ему под ноги. Вообще, начинать знакомство с мордобоя особо не хотелось. Может, ещё обойдётся?

Хотя, вряд ли.

– Языком слижешь, – спокойно вымолвил Губитель дев. – Приступай. Иначе...

На «иначе» рыжий папаненок выскочил из своего угла, кинулся к расписному засранцу, повис у него на локте и замычал что-то маловразумительное. С великим трудом Вебрь различил «Не надо» и «Пожалуйста». Парню явно урезали язык. Причём, совсем недавно.

Губитель дев отмахнулся от папана, как от назойливой мухи.

– У нас особый способ учить нахалов, – сообщил он, и его дружки ослабились. – Так всегда было и всегда будет. Другого не дано. Хватайте его, парни. Спускайте штаны. Сейчас покажем поросю, где его место!

– Е-ет! Ет! – запричитал рыжик, проглатывая буквы. – Е адо! Ажауста! Е адо!

Бедолага кинулся к дверям. Хотел, наверное, позвать на помощь. И правильно...

Вепрь управился быстро. Рывок бритого бугая принял на локоть и, превратив нос в месиво, припечатал рожей о колено. Его дружок, бычара, норовил ухватить сзади, но парня подвело кольцо в носу. Вепрь вырвал его к херам, разодрал противнику ноздри, а потом довершил дело смачным пинком. Белобрысый красавчик как-то сразу ретировался, прыгнув за диван, а Губитель схватил со стола нож.

– Сука! – рычал расписной засранец. – Кишки выпущу!

Ой, ли...

От первого выпада Вепрь уклонился, а второй перехватил. Заломил руку до хруста, а когда столовый прибор, годный исключительно для разделки жареных куропаток, с лязгом упал на землю, ухватил Губителя и с разлёту вмазал харей в стену. Дважды.

Когда запыхавшийся рыжик вернулся с подмогой, Вепрь с аппетитом приканчивал вторую куропатку.

Служитель Енкур, сурово сдвинув брови, переводил тяжёлый взгляд с одной разбитой рожи на другую.

– И что здесь произошло? – спросил ледяным тоном. Стражи за его спиной стояли истуканами и держали руки на оголовьях мечей.

– Я упал, – сообщил Губитель дев, украдкой зыркнув на Вепря.

– А они? – Енкур кивнул на темнокожих здоровяков.

– Они тоже упали.

Здоровяки закивали, подтверждая идиотскую версию. Но Енкур оказался тёртым калачом.

– Это правда? – повернулся он к рыжику, и щёки пацана мигом заалели.

Несчастный опустил очи долу и задрожал, как осиновый лист.

«Не может соврать», – догадался Вепрь.

– Главное, чтобы сумел смолчать, – проговорил Призрак.

– Правда? – строго повторил Енкур, впривычку в пацана взглядом.

Рыжик закусили губу и, кажется, всхлипнул. Покосился на Губителя дев, вздрогнул и часто закивал.

– Ну... раз так... – Енкур деланно развёл руками. Ясен пень, Служитель сразу сообразил, что к чему и мигом срисовал виновника всего веселья, но явно не горел желанием встречать: примчался исключительно порядку для. – В следующий раз внимательней смотрите под ноги. Я пришлю лекаря. И раз уж вы покалечились, завтра развлекать госпожу будет новенький. – Он поймал взгляд Вепря. – Весь день.

Кап... кап... кап...

Вода струйками стекает по обнажённой коже. От источника поднимается пар. Горячие ключи бурлят, рождаясь в глубинах земной тверди. Ослепительно яркая полная луна поднимается над Седыми холмами, и в её свете всё кажется волшебным. Хотя, казалось бы, куда волшебнее? Красивая женщина. Тихая, наполненная терпким ароматом луговых трав, ночь. Стрёкот сверчков. Сладость плотской любви и очарование духовной близости.

Хорошо. Так хорошо, что даже немного страшно.

– Что случилось? – она чуть поворачивается, и глаза её блестят серебром.

Он давно подметил, что супруга видит в темноте не хуже кошки.

– *Ничего.*

– *Ты вздрогнул.*

– *Озяб чутка. – Он прижимает её крепче. Утыкается носом в тёмную макушку, вдыхая запахи влажных волос.*

Жасмин-чубушник. Такой растёт только на севере.

– *Мне кажется, ты хочешь меня обмануть, – говорит неуверенно.*

Он усмехается. Вот же! Как ловко навострилась определять помыслы без магии.

– *Самую малость, – признаётся он и накрывает ладонью сдобную грудь. Сосок под пальцами мгновенно твердеет, и кровь с новой силой приливает к паху.*

Он мог бы любить её всю ночь. Он мог бы любить её всю жизнь. Он мог бы любить её вечность...

– *А так можно? – вопрошает она с детской наивностью.*

– *Мне – да. – Он целует её в шею под волосами и притискивает плотнее. Так, чтоб ощутила готовность к новым подвигам.*

Она разворачивается полностью. Обхватывает лицо ладонями. Находит губы губами.

– *Не страшишься счастья, – шепчет тихо. – Ты его заслужил.*

– *Ты моё счастье. – Он отвечает на поцелуй, распалаясь всё больше. – Хоть и не знаю, кто ты.*

– *Это не имеет значения. Гораздо важнее, кто ты. Ты должен вспомнить.*

«Должен вспомнить. Должен... должен... должен...»

Голос звучит долгим эхом и растворяется в сумерках.

Вепрь пробудился до рассвета. Зевнул и потянулся в своём углу: на кроватях ему не спалось – слишком уж мягко и бестолково. К тому же, небезопасно.

От сладкой ночной грёзы остались одни ошмётки: Вепрь ничего не помнил. У постели сидел Призрак в чёрных одеждах. Сидел, крутил в пальцах какую-то блестящую цацку и грустно смотрел на него. Кажется, вчера он разговаривал с ним. Или нет? Наверное, просто приснилось.

ГЛАВА 7

– Мне нравятся твои шрамы, – Айра рассматривала его с нескрываемым интересом. – Особенно этот, на груди. Жаль, ты не можешь рассказать, откуда он.

Вепрь хлебнул студёного щербету.

Нагота ничуть не смущала. Лёгкий бриз приятно охлаждал кожу, а мягкий диван оказался на редкость удобным.

Вепрь сидел, откинувшись на упругую, обитую пурпурным бархатом спинку, и разведя ноги на ширину Тархана.

Пусть любитесь, коли охота: она щедро заплатила за это. Ему всё равно, а ей приятно. Наверное.

– Хочу проверить, каков ты в деле, – мурлыкнула Айра, скользнув взглядом по причинному месту.

Вепрь мысленно матюгнулся. Бабы! Все мысли об одном! И эта – мать Правителя, а всё туда же. Срамота!

Ладно, что уж. От него не убудет.

Айра хлопнула в ладоши, и в комнату впорхнули три юные невольницы. Полностью обнажённые и гладко выбритые во всех местах, они выстроились перед Вепрем и сдёрнули с лиц газовые вуали.

Первая – миниатюрная и смуглая, с маленькими упругими грудками – сразу же продемонстрировала невероятную гибкость, заведя ногу чуть ли не за ухо, продолжая при этом зазывно улыбаться.

– Это Ииса, – представила Айра. – Она знает такие позы, о которых на Севере никто слыхом не слыхивал.

Вторая девушка ослепительной красотой не отличалась, но подхватила со столика банан и наглядно продемонстрировала всю глубину любви к этому фрукту.

Вепрь сглотнул. А возникший за плечом Призрак присвистнул:

– Обалдеть!

– У Кхи-кхи особый подход к утехам, – пояснила Айра и тут же кивнула на третью. – А Лавенди – девственница. Третьего дня я выкупила её из борделя на аукционе.

Названная невольница очаровательно зарделась, опустила глаза и стыдливо прикрыла руками большие белые груди с нежно-розовыми сосками.

– Эх, мелкий, – вздохнул Призрак. – Везёт же некоторым!

Вепрь смерил его хмурым взглядом. Экий кобель.

– Ну, что? С кого начнёшь? – Синие глаза Айры похотливо блестели. – На первый раз позволю выбрать самому.

Привыкнуть к роскоши гарема оказалось довольно просто. Кормили вкусно, регулярно. Сладостями всякими баловали. Особенно полюбились финики и халва. Айра вызывала к себе часто, но не ежедневно. В свободные вечера была возможность попариться в банях, а с разрешения Енкура даже посетить библиотеку. Она тоже тут имелась. И более чем достойная. Попадалось даже что-то на языке Хладных земель: видать, Сиятельная Каганэ тосковала по родному наречию. Вепрь отыскал на полках монументальную «Песнь Последних», «Краткий Бестиарий земель познанных и непознанных» (за авторством Енкура), «Сказания о Златых песках» и много чего ещё.

Остальные обитатели чертога – Губитель дев и его подпевалы – со дня памятного знакомства обходили Вепря стороной, а юный рыжик, после того, как Вепрь пару раз вступился за него перед гаремной шайкой, стал кем-то вроде мальчика на побегушках. Удобно!

Жизнь теперь состояла исключительно из еды, ленивого отдыха и плотских утех. Правда, кое-что смущало. И весьма основательно.

Во-первых, безумие подкрадывалось всё чаще, особенно по ночам: Вепрь не раз и не два просыпался в поту от собственных воплей. А один раз обнаружил себя гуляющим по крышам. Да ещё и с кинжалом в руке. Чей это был кинжал и откуда взялся, Вепрь не имел ни малейшего представления. Но искренне надеялся, что хозяин клинка жив-здоров, а не прикопан наспех под какой-нибудь смоковницей.

Ну, а во-вторых... Вепрь начал набирать вес. Причём так быстро, что уже не влезал в свои старые бойцовые доспехи: брюхо росло не по дням, а по часам.

В силу данного обстоятельства пришлось завести особый обычай. В час рассвета, пока весь гарем мирно спал (мало кто из здешних поднимался раньше полудня. Разве что слуги да конюхи, но они не в счёт), Вепрь выбирался в малый сад и упражнялся с деревянным мечом. Оружие он изготовил сам: для этого потребовался дрын, острый нож, пара прямых рук и смекалка. Ну, и, разумеется, свободный вечер.

Вепрь вспоминал и отрабатывал выпады и финты, отжимался на кулаках и подтягивался на кованых вензелях, украшавших беседку. Так проводил он каждое утро. Мало-помалу дело пошло, и одряблевшие были мышцы начали приходить в нужный тонус.

Это утро Вепрь начал с тяжестей: натаскал челядинке с дюжину вёдер. Она упорно сопротивлялась и пыталась объяснить, что столько не нужно, но он был нем и непреклонен, а она

говорила на тарханском. В любом случае, девица, вроде, осталась благодарна, а одно ведро он утащил с собой – облиться холодным после тренировки.

Вебрь крутил деревянный меч с лихим азартом. Так увлечённо, что даже не хотел отвлекаться на зрителя. А зритель имелся, хоть его никто и не приглашал. Сидел в кустах сирени и наблюдал. Долго. Внимательно. И выбрался из укрытия, только когда Вебрь закончил.

Зрителем оказался мальчик. Пацанёнок зим двенадцати с типичной для тарханца внешностью: гибкий, смуглый, черноволосый. А вот глаза – ярко-синие. Они казались странно неуместными на бронзовой мордашке.

– Я видел тебя вчера, – сообщил шкет. – Это ведь ты убил салажана?

Вебрь кивнул. Чего надо этому мелкому?

– Енкур сказал, ты отменный воин, – продолжил пацан. – И языком не треплешь, потому как нем. Так что... – Пацан вскинул голову и упёр руки в бока. – Ты будешь учить меня биться!

Повисла пауза. Но продлилась она недолго. Вебрь подхватил парня под мышки и поднял.

– Эй, а ну поставь! – мальчишка завизжал и задёргался, точно кролик в силке. – Поставь немедленно!

Вебрь вынес его за пределы малого сада, опустил на землю и развернулся, чтобы уйти.

– Ах, ты, негодяй! – возопил разъярённый пацан и кинулся следом. – На колени!

Он от души замахнулся и врезал Вебрю кулаком. Куда конкретно он метил – непонятно, но явно промазал. Угодил по рёбрам, и тут же пискнул.

– Ай! – прижал ушибленный кулак к груди. – Больно!

Вебрь не стал дожидаться новой атаки. Сгрёб мальчонку за шкирдяй, оторвал от земли и грозно заглянул в пацанячье личико.

Ну, шкет!..

– О! Вижу, вы уже познакомились! – у заросшей цветущим вьюном арки, что вела в малый сад, возник Енкур в сопровождении десятка стражей. – Как славно.

Вебрь заподозрил неладное и снова посмотрел на пацана. Тот нахмурил брови и сложил руки на груди. Слов не понадобилось.

Вот же...

Вебрь поставил мальчонку и поклонился так низко, как только мог.

Перед ним стоял Сиятельный Таймур Тархан, властитель Золотых песков, покоритель барханов, гроза Дэвов и укротитель суховеев.

... Погань!

На следующий день юный правитель заявился с двумя деревянными мечами столь искусной выделки, что Вебрь ненароком залюбовался ими. Деревяшки точь-в-точь повторяли форму тарханских ятаганов, а по фальшивым клинкам змеилась вязь диковинных символов.

Вот же мастера заморочились!

– Мы здесь не для того, чтобы узоры разглядывать! – надменно изрёк будущий правитель. – Учи меня!

Вебрь фыркнул. Вложил меч в руку пацана, отступил на пару шагов и развёл руки в стороны, изображая живую мишень. Бей давай!

– Ты... хочешь, чтобы я атаковал? – паренёк оказался сообразительным. – Ну, держись!

Он ринулся вперёд с завидной решительностью. Обрушил меч сверху, потом сбоку, удалил с разворота, рубанул снизу.

Уворачиваться от него было, как играть с котёнком.

Во время очередной атаки Вебрь одним движением обезоружил мальчишку и приставил игрушечное лезвие к Сиятельному горлу.

Стражи, сопровождавшие кагана, вмиг обнажили ятаганы. Не игрушечные. Настоящие. Но Таймур Тархан остановил их жестом.

– Нет! – велел он. – Не лезьте! А посмеете сболтнуть матушке лишнее – лишитесь голов!

Стражи вняли приказу. Вепрь выпустил мальчишку из хватки и бросил ему меч. Тот поймал, и началась учёба...

На следующий урок Вепрь притащил корзину яблок. Неспелых и твёрдых, хоть гвозди забивай. Он кидал ими в кагана до тех пор, пока тот не наострился уклоняться. Как только это произошло, Вепрь поставил пацана на чурбан высотой в два локтя и продолжил метать яблочные снаряды. Парень хрюкал на землю, набивал шишки, ругался, но требовал продолжать.

И Вепрь продолжал. Вместе они натаскивали воду для челядинок. Пробегали до рассвета по три версты и столько же перед отходом ко сну. Отжимались на кулаках. Подтягивались. Перебирались через реку, прыгая по скользким от воды и водорослей валунам. По несколько часов стояли цаплями на колышках, ползали, словно ужи, прыгали через костры, вскарабкивались на отвесные скалы, упражнялись с пудовыми каменными гирями, мутузили набитые горохом мешки и бесконечно бились на деревянных мечах. Вепрь учил парня пользоваться как правой, так и левой рукой. Периодически «лишнюю» руку приходилось привязывать, но Таймур Тархан не сдавался. А когда наловчился, Вепрь вырезал ему небольшой деревянный кинжал и показал, как орудовать двумя клинками одновременно, перехватывая так и эдак.

Сиятельный каган строго настрого запретил охране присутствовать на занятиях. Он всегда приходил один и всегда раньше Вепря. А ещё на тренировки являлся Призрак. Кажется, ни одной не пропустил. Стоял рядом и давал советы. В большинстве своём весьма дельные.

Спустя луну малый сад преобразился до неузнаваемости. В нём появились перекладины, лабиринт из вбитых в землю чурок, размалёванный деревянный болван, мишени и даже полоса препятствий.

Вепрь многое знал и умел, но, к сожалению, совершенно не помнил, как, где и при каких обстоятельствах освоил все эти премудрости. Впрочем, Сиятельного ученика такие вопросы не беспокоили вовсе.

– Мой сын бесконечно доволен тобой, – с благодарностью в голосе изрекла Айра, и Вепрь чуть не поперхнулся шербетом.

Во время последней тренировки он наставил Сиятельному кагану столько синяков, что живого места не осталось.

Как ни странно, маленький Таймур оказался на редкость усидчивым учеником и проявлял завидное рвение. Поднимался до зари. Никогда не жаловался, не ныл и не прекословил. Выполнял всё, что Вепрь требовал. Сомнений не было: из парня рос отличный воин.

Достойный наследник достойного отца.

– Завтра я отправляюсь на невольничьи рынки, – продолжила Каганэ. – Говорят, солёные братья захватили каких-то совершенно особенных пленниц. Хочу проверить, правдивы ли слухи. Сыну не обязательно знать, куда и зачем я уехала. Займи его на пару дней, чтобы не тосковал.

Вепрь кивнул. Айра приняла ответ и продолжила:

– А если в стенах гарема станет тесно, отправляйтесь в пустыню. К северу от оазиса Хаджибру есть прекрасное место для соколиной охоты. Стражей я предупрежу. Енкур, если надо, поедет с вами.

Вепрь снова кивнул. Да уж! Выезд Сиятельного кагана на соколиную охоту – это тебе не битвы на деревянных мечах под боком у маменьки. Тут всё куда серьёзней! Интересно, доверила бы Айра ему сына, знай, что новоиспечённая «нянька» крепко не дружит с головой?

– Вряд ли, – раздался знакомый голос.

Призрак сидел на широком подоконнике, развалившись на подушках и вытянув ноги. На шее поблёскивала серебряная цацка.

Невидимый перехватил взгляд Вепря и лукаво подмигнул. Вот же...

– Куда ты смотришь? – Айра тоже уставилась на подоконник, но, разумеется, ничего, кроме горы расшитых подушек, не увидела.

Вепрь мотнул головой – никуда, мол – и допил свой щербет одним махом.

ГЛАВА 8

– Смотри. – Таймур Тархан указал хлыстом на залитую солнцем равнину. – Видишь курганы?

Вепрь натянул поводья и, приставив ладонь козырьком, всмотрелся в даль. На горизонте маячило шесть холмов.

– Это мои братья, – пояснил юный каган. – Старший, Берке, погиб в бою, сражаясь бок о бок с отцом. Двое других – Нур и Угедей – убили друг друга во время усобицы. Чагатая забрала песчаная лихорадка, Жанибека отравила наложница, а Ерасыла задушили во время мятежа.

Призрак многозначительно переглянулся с Вепрем.

– Я – седьмой сын, – продолжил Таймур, и взгляд его наполнился печалью. – Последний из рода. Мои братья ждут меня в чертогах Солнца, но матушка говорит, я не должен к ним торопиться.

– Матушка плохого не посоветует, – хмыкнул Призрак.

– Я должен вырасти сильным и могучим, укрепить каганат и наплодить наследников.

Вепрь внимательно посмотрел на помрачневшего ученика. Да, уж. Серьёзная задачка для парнишки двенадцати зим. Похоже, от него зависит судьба всей династии.

– Похоже на то, – поддакнул Призрак.

Енкур, возглавлявший целую армию свиты, поравнялся с ними.

– Повелителю угодно сделать привал? – спросил Служитель, а Вепрь снова залюбовался его жеребцом. Эх, хорош зверюга!

– Нет, добрый друг, – говорил Таймур учтиво и с достоинством, как и полагается великому кагану. – До Хаджибру меньше парасанга. Сейчас привалы ни к чему. А уж в оазисе дадим роздых и коням, и людям. [1]

– Повелитель мудр не по годам. – Енкур поклонился и, дав воронку шенкеля, умчался в хвост каравана.

Таймур проследил за взглядом Вепря и усмехнулся.

– Если матушка узнает, сколько он отдал за скакуна, при дворе станет на советника меньше. Ходит слух, конь стоит дороже самого Енкура!

Вепрь нахмурился.

– Он – тоже раб, – поспешил объяснить юный каган. – Такой же, как и ты.

Ну... положим, не такой же, но...

Неужто раб может подняться до таких вершин? Советник при дворе, правая рука Каганэ, наставник правителя... Ну и ну! С ума сойти.

От размышлений отвлек Таймур.

– Эй, Вепрь! Спорим, я первым ворвусь в Хаджибру? Матушка говорит, я прирождённый наездник. Проверим? Тебе меня нипочём не догнать!

Вепрь посмотрел сардонически. Хочет поиграть в догонялки? В такое пекло? Серьёзно?

– Если догонишь – проси, что пожелаешь! – издав боевой клич, каган сорвал коня в галоп и умчался вперёд, взметая песок.

Вепрь проводил ученика взглядом и потянулся за флягой на ремне. Единственное, что желалось – спокойно подремать в тени. А это можно получить и без скачек по пустыне. Так что...

– Оставишь повелителя без присмотра, и тебе отрежут яйца, – спокойно изрёк Енкур. Он успел вернуться и теперь ехал рядом неспешным шагом.

Вепрь покосился на Служителя, кисло скосоротился и, глухо рыкнув, вдарил лошади под бока.

Они мчались по раскалённому песку среди барханов. Под палящим тарханским солнцем, которое светило так ярко, что небо сделалось белым, как кость. Енкур, ловчие, евнухи, стражи... все остались далеко позади. А впереди ждал дрожащий от зноя воздух и бешеная скачка, от которой сердце заходило в груди.

–! – Крик. Отчаянный, срывающийся, он тонет в шуме схватки, и слов не разобрать. Точнее не слов даже, а имени. Тот, кто кричит, зовёт его по имени, но...

Лязг стали оглушает, а рычание шерстяных тварей заполняет собой всё пространство. Песеголовцы наступают. Дробят булавами черепа, вспарывают животы клевцами.

Умело орудуют пращами, и камни свистят в почерневшем от гари воздухе.

Чернявый продолжает рвать глотку. Подлетает, на скаку взрезав пару шерстяных. Из бедра торчит стрела с серым опереньем. Нога залита кровью. Глаза мутные. Рожка в саже.

– Уходим! – хрипло орёт, резко осаживая жеребца, отчего тот привстаёт на дыбы. – В седло, быстро!

Слова не достигают цели. Меч словно врос в руку. Рубить, кромсать и снова рубить. Наотмашь. Вот так. Снова, и снова, и снова.

Чёртовым псам не пройти. Ни за что не пройти!

– Мелкий, разъети тебя конём! – Чернявый спешивается, хватая его за грудки и встряхивает. А потом, видимо для верности, вклепывает пощёщину. – Приди в себя!

– П-пусти... – рычит, пошатываясь. Ноги почти не держат. – Надо прикрыть Дубыню-Крепыша!

– Крепыши мёртвы. – Слова звучат приговором. – И Злат тоже. И Угрюм, и Бруи-Колчан, и Мал-Грозные-Очи. И все их люди. Все мертвы, Мелкий! Все! Нету больше Первой пятёрки!

Верить не хочется. Морда мокрая и солёная. То ли от пота, то ли от крови, а, может, от дождя – не разобрать. Воздуха не хватает. Слова кончились.

– Все мертвы, слышишь ты? И мы тоже будем, если не очнёшься! – продолжает орать Чернявый. – Песеголовцы подожгли степь! Ковыль горит. Уходим! Быстро!

Он почти не соображает и не понимает, откуда взялась лошадь, и чья она вообще. Взгромождается в седло, краем сознания отмечая, что бочина разодрана в хлам. Погань...

– Скакать сможешь? – Чернявый уже на коне. – Не свалишься?

– Нет. – Перед глазами всё плывёт и двоится. Одно ухо не слышит вовсе, второе улавливает только обрывки фраз. Левый бок горит болью, и хочется выть или выблевать собственные кишки. – Нормально.

Лошади срываются в галоп почти одновременно. Ладони стискивают поводья. Сапоги привычно упираются в стремяна.

Чернявый не ошибся: шерстяные действительно подожгли ковыль – степь полыхает на окрепшем ветру. Исполинская стена огня надвигается со скоростью молнии, и остаётся только одно – мчаться быстрее. Быстрее. Быстрее и быстрее.

Собрав остатки сил, он привстает на стремянах, лупит конягу по крупу мечом в ножнах и орёт, что есть мочи. Ошалелая зверюга летит стрелой. А рядом скачет тот, чьего имени он не помнит...

– А-ай! – на подлёте к оазису каганский жеребец споткнулся и кубарем повалился на песок вместе с Сиятельным наездником.

Вебрь тут же осадил коня, выпрыгнул из седла и рванул к пацанёнку. Каган оказался цел (Вебрь осмотрел его со всей ответственностью), а вот великолепный тарханский скакун, увы, повредил ногу. Угодил, видать, в засохший колодец или скорпионову нору. Хватило одного взгляда, чтобы понять: травма серьёзная. Шансов выжить нет. Жеребец дёргался, пытаясь подняться, и жалобно ржал, но помочь Вебрь мог только одним способом...

Оружия рабам не полагалось, поэтому он вытащил кинжал из ножен Таймура. Острая сталь засияла под солнцем.

– Эй! – возопил юный правитель. – Ты что удумал? Прекрати! Прекрати немедленно! Не смей! Это моя лошадь! Не смей!

Он хотел помешать, но растерянно мешкал – в синих глазах предательски блестели слёзы, – и Вебрь склонился над жеребцом. Провёл рукой по крутой шее. Поймал взгляд карего глаза.

«Мне жаль, дружище, – сказал мысленно. – Но другого пути нет. Я сделаю быстро. Прости...»

Боль ударила молнией. Вспыхнула в висках, растеклась лавой по черепу. Вебрь выронил кинжал, схватился за голову и закричал...

Холодно. Так холодно, что невозможно дышать. Ледяной ветер швыряет в морду колкий снег. Волосы побелели от инея. Старый мерин повалился в сугроб и еле дышит. Костлявая грудина поднимается и опускается всё медленней и медленней. Вдалеке воют волки. Они голодны...

Он опускается на колено. Достает кинжал.

Другого пути нет...

– Мне жаль, дружище. Так будет лучше. Я сделаю быстро. Прости.

Короткий точный удар обрывает жизнь коняги. Шнапс из фляги согревает нутро, но ненадолго: путь сквозь пургу коварен и долг – не видать ни неба, ни земли. Всё заволкло. Завьюжило.

Холод пробирает до костей. Зубы клацают. Пальцы дубеют. Угодившая в полынью нога немеет, идёт иголками, а потом и вовсе теряет чувствительность.

Холодно. Холодно. Холодно... Холоднее, наверное, только в могиле. И похоже, она не за горами.

– П-похоже на то, – откликается Призрак и шмыгает красным носом. Озябшие руки он прячет под мышками, и это странно: призраки не мёрзнут. – П-пока ты не помер, скажу одну вещь. Она... она т-тебя любит.

Парасанг – древнеперсидская мера длины. Расстояние, которое караван проходит от одной точки отдыха (небольшого) до следующей. Примерно 6-8 км.

ГЛАВА 9

Она тебя любит... Она тебя любит... Она...

Кто «она»?

Имя. Ты должен вспомнить имя. Вспомни имя!

Вебрь проснулся от чувства падения. Так часто бывает во сне: летишь с бешеной скоростью вниз, вот-вот разобьёшься и вдруг – бац! – реальность.

Он шумно выдохнул и снова смежил веки. Голова гудела.

– Хей, ну и напугал ты нас! – услышал мальчишеский голос над ухом.

Таймур запалил масляную лампу, и тьму разбавил мягкий жёлтый свет. В неверных отсветах Вепрь различил расшитые золотыми нитями драпировки и горы подушек с узорами в виде танцующих змей.

«Где мы?» – хотел спросить он, да с губ сорвался только стон. Глухой и хриплый.

Но оказалось, юному кагану достаточно и этого: пацан понял всё без слов.

– Лежи спокойно, мы в Хаджибру. – Таймур пристроил куда-то лампу и уселся рядом. С тревогой заглянул в лицо. – Ты не умрёшь?

Вепрь мотнул головой, хотя обнадёживать парня не хотелось: когда-нибудь все умрут. Раньше или позже...

– Енкур сказал, у тебя удар.

«Что ж, ему виднее, – равнодушно подумал Вепрь. – Удар так удар».

– Ещё он сказал, что ты был прав... ну... насчёт коня, – юный каган вздохнул. – Жеребца пришлось... избавиться от страданий. Как ты и собирался.

Вепрь кивнул. Таймур кивнул в ответ и дважды хлопнул в ладоши. В шатёр тут же впорхнули две молоденькие невольницы, а следом вошёл евнух с подносом.

– Позаботьтесь о нём, – коротко бросил каган. – Да как следует!

Челядины кланялись в ответ.

– Поправляйся, Вепрь! – Таймур дружески потрепал его по плечу и улыбнулся. – Ты нужен мне здоровым и полным сил! А теперь отдыхай. Увидимся завтра на охоте.

Каган поднялся и двинулся к выходу. Невольницы замерли в глубоком поклоне, а евнух, оставив поднос, упал на колени и отогнул полог перед Сиятельным правителем.

Вепрь сморщился, когда рабыни принялись растирать его мазью. Она приятно охладила кожу, но воняла так, что вышибало слезу. На лоб ему положили влажную тряпицу, по бокам уместили валики из вымоченных в ледяной воде простыней. Напоили из кувшинчика. Красота!

Когда девушки закончили, настал черёд евнуха. Вместе с подносом он приблизился к лежаку и... чуть не выронил ношу.

– Ты?! – выпалил на чистом северском.

«Я», – подумал Вепрь, равнодушно мазнув взглядом по говорившему. Высокий, плечистый, когда-то – вне всякого сомнения – удалой и крепкий, но сейчас заметно расплывшийся. Он не казался знакомым. Совсем.

– Ты... – прошипел евнух и аж весь затрясся. – Сучий стервец! Да по твоей милости я...

Он не договорил – не успел: полог распахнулся, и в шатре возник Енкур. Стоумовый Служитель Сиятельной каганэ, наставник и советник юного кагана.

– Ну, как ты? – Евнуха он не замечал. Челядин для такой птицы – пыль из-под лавки, не более. – Оклемался?

Вепрь ответил кивком.

– Жара коварна, – продолжил Енкур. – Северяне плохо переносят здешний климат. В особо тяжких случаях доходит до видений и голосов в голове. А ты хоть и крепкий малый, старайся не рисковать: если к немоте и дырявой памяти добавится помешательство, придётся обойтись с тобой так же, как с тем жеребцом.

Служитель не угрожал. Он говорил дело. И Вепрь это понимал.

Ясен пень, Енкур отследил весь его путь по невольничьим рынкам и прекрасно знал всю подноготную новой игрушки Сиятельной Каганэ. Знал, но молчал. Так что...

Вепрь выразительно посмотрел на Служителя. Тот улыбнулся краешком губ.

– Рад, что ты внял моим словам, Вепрь. Приятно, когда тебя слушают и слышат. А ты... – рывкнул он евнуху. – Чего встал истуканом? Делай дело да проваливай!

– Слушаюсь, господин. – Станный евнух водрузил поднос на пуф рядом с лежаком и подал высокий стакан, до краёв наполненный янтарной жидкостью.

– Надеюсь, это не ослиная моча, – хмыкнул затаившийся в полутьме Призрак, и Вепрь с подозрением покосился на питьё.

– Целебный чай, – пропел евнух, заметив строгий взгляд Енкура. – Вернёт силы и подарит здоровый сон.

– Тебя разбудят до рассвета, – сообщил Служитель, когда Вепрь принялся за чай. – День предстоит нелёгкий, так что выспись.

Он ушёл, а Вепрь прикончил чай и крикнул.

Евнух смотрел на него во все глаза.

– Так ты... Ничего не помнишь... – проговорил он и улыбнулся злой нехорошей улыбкой. – Вот так приятность неожиданная! Экие судьба завороты крутит, а?

Вепрь покосился на Призрака. Тот помрачнел.

– Не смотри волком, – евнух продолжал лыбиться. – Мы с тобой подружимся. Вот увидишь.

– Что-то сомневаюсь я в этом... – проговорил Призрак, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Оникс! – в шатёр ворвалась юная рабыня. – Где ты пропал? Господа к себе требуют. Пора готовить омовения!

– Уже бегу, – откликнулся евнух на тарханском и подмигнул. – До скорой встречи.

«Жду с нетерпением», – мысленно ответил Вепрь, повернулся на бок и закрыл глаза. В сон клонило немилосердно. Видать, чаёк и вправду действовал. Спать на лежаке не хотелось, но в шатре, в силу округлой формы, совершенно не было подходящих углов.

Надо будет что-то придумать. Но позже. Ну, а пока...

Смех. Женский смех манящий, серебристый, звонкий... превращается в глухой утробный рокот. Мёртвые встают. Они жаждут крови. Тянут руки. Клацают зубами. Рычат. Их глаза горят зелёным пламенем скверны, но сталь лихо рубит неуклюжие туши. Отсекает конечности. Чёрная кровь брызжет на истоптанный снег тёмными кляксами. Рядом, спина к спине, бьётся... темноволосый евнух. Тот самый, что подавал чай. Заляпанный вражьей кровью, всклокоченный, с перекошенным от ярости лицом, он ловко орудует мечом и крошит наступающих вурдалаков в капусту так ловко, словно был для этого рождён.

Погань...

– Эй... Ты зачем туда забрался? – молоденькая невольница легонько коснулась его плеча, и Вепрь, не до конца проснувшись, схватил её за руку и заломил так, что несчастная закричала.

– Ты что? – вопила она. – Пусти! Пусти!

Он пустил. Проморгался и обнаружил себя за баррикадой из подушек и свёрнутых лежаков. Это ж надо так...

– Совсем ополоумел! – у девочки на глазах выступили слёзы. – Больно же!

Похоже, и вправду больно...

Сломив невнятное сопротивление, Вепрь ухватил тонкую ручонку. Но на этот раз нежно. Бережно. Осмотрел, погладил и подул на покрасневшую кожу.

Невольница зарделась, как маков цвет.

– Я... – пролепетала девушка. – Меня прислал Енкур. Велел разбудить тебя.

Вепрь кивнул и вылез из своего укрытия. Девчушка загляделась на его обнажённый торс и, кажется, стала ещё краснее.

– Я... п-пойду, – выдавила, запинаясь. – Скажу, ты скоро будешь.

Она убежала, а Призрак расхохотался.

– А ты, погляжу, тот ещё угодник!

Вепрь запустил в него подушкой и продолжил одеваться. Нырнул в тунику, подпоясал штаны, сполоснул рожу водой из таза и пятернёй зачесал со лба спутанные лохмы.

– Красавец! – прокомментировал Призрак. – Глаз не отвести.

В Призрака полетела вторая подушка, но всё так же без толку. Хотя... В какой-то миг Вепрю показалось, будто всё это уже было. Кидание подушками. Перепалка...

Дурное ощущение! Видать, совсем с башкой раздужился.

Вепрь мотнул головой, прогоняя лишние мысли, и выбрался из шатра. Его уже ждали. Сегодня предстояло развлечь Сиятельного кагана соколиной охотой, и готовились к этому делу с завидной ответственностью – весь лагерь поднялся до рассвета и к первым лучам солнца в Хаджибру уже кипела бурная деятельность: ловчие подготовили две дюжины птиц в клубуках, конюшие вычистили и оседлали резвых тамук-тарханских скакунов, псари возились с гончими, челядинки собрали в дорогу яства и наполнили меха студёной родниковой водицей.

Руководил всем Енкур. Вид у стоумового Служителя был на редкость озабоченный.

– Почему так долго? – набросился он. – Уже скоро будить Правителя! К этому времени ты должен стать докой в охотничьем ремесле. Чего вылупился? Тебя обучили бы раньше, но ты изволил валяться при смерти! Так что слушай и запоминай...

ГЛАВА 10

Кречет, звякнув колокольцем, взметнулся в голубую высь.

Вепрь проводил птицу долгим взглядом. Вот же... Боевой сокол. Охотник. Опасный хищник... крепко приученный к хозяйской руке. Покорный. Послушный. Убивающий ради чьей-то прихоти. Погань...

На душе сделалось мутно. Голова загудела, и барханы поплыли перед глазами под нарастающий звон в ушах.

Она тебя любит. Любит. Она...

– Ты видел? – Таймур сиял лицом, как начищенная бляха. – Видел?

Усилием воли Вепрь вынырнул из сгущающегося мрака.

– Смотри, там дичь! – Каган пришпорил коня. – Вперёд! Спускайте собак! Хе-гей!

Кречет заклекотал и стрелой рванул вниз. По раскалённому песку от пернатого хищника улепётывал пустынный заяц – талай. Ушастый занырнул в колючие заросли, и сокол с криками принялся кружить над укрытием: достать зайца не представлялось возможным. Но тут подоспели собаки. Лаем они вспугнули затаившегося ушастика и погнали, удерживая на ходу, чтобы не спрятался. Талай петлял, да куда ему, бедолаге, – кречет молнией кинулся сверху, и острые когти впились в шерстистое тельце.

– Да-а! – Таймур пребывал в полном восторге. Он спрыгнул на песок и заторопился к добыче. Следом заспешили ловчие и охрана.

Енкур, восседавший на одногорбом верблюде, тяжело вздохнул и знаком подозвал старшего сокольника.

– Сколько у нас осталось зайцев, – спросил полушёпотом.

– Четыре, господин, – отвечивал тот. – И пять куропаток.

Енкур обречённо закатил глаза.

– До заката не управимся, – сказал он. – Придётся разбить лагерь. Эй, Вепрь. Оставайся при кагане неотлучно, а я подыщу место для стоянки.

Енкур наподдал пятками, и верблюд, неспешно переставляя длинные голенастые ноги с широченными пальцами вместо копыт, двинул к пологим барханам, над которыми висело жестокое тамук-тарханское солнце.

– Хе-гей! – Таймур оказался на редкость азартным охотником. Все, в том числе Вепрь, уже изнывали от жары и плавилась, точно свечи. – Не отставай!

Потный, липкий и совершенно ослотившийся, Вепрь пустил коня рысью. Хотелось сдохнуть.

Из шипастых кустов выскочило два одинаковых серых зверька. Зайцы рванули в разные стороны.

«Твою же медь, – угрюмо подумал Вепрь. – В глазах двоится».

Вот же, погань.

Однако он ошибся: ушастых действительно было два. И, судя по переглядываниям ловчих, эта парочка в планы не входила.

Неучтённые зайцы. Настоящая дичь.

Соколы взмыли в воздух, гончие засуетились, дёргая привязи. Зной наполнился клёкотом, лаем, криками.

– Давай за вторым! – бросил Таймур и, привстав на стременах, умчался следом за собаками.

Вепрь вздохнул и без особого энтузиазма пустил коня рысью. Куда там драпанул ушастый стервец? Кажется, налево.

Он проскакал приличное расстояние, но не нашёл ни зайца, ни кречета. Поднялся на бархан. Спустился. Поднялся на следующий. Взял к востоку.

– Тебя куда несёт? – Призрак появился неожиданно, и Вепрь вздрогнул. – Охотничья рать в другой стороне. Прогуляться надумал или, может, дёру дать?

Вепрь пропустил шпильку мимо ушей и выразительно посмотрел на песок. Призрак проследил за его взглядом и присвистнул.

– Ух, ты. Верблюжачьи следы. Похоже, Енкур далеко забрался в поисках места для стоянки.

Похоже на то...

Вепрь цокнул языком, и конь зашагал вдоль цепочки следов. Внизу, у подножья бархана, показались заросшие колючками сопки, а в овраге промеж них маячила знакомая фигура.

– Иди ж ты! – Призрак округлил глаза. – Да это же...

Енкур был не один. Он вёл беседу с незнакомцами в тёмных робах и скрывающих лица шемагах. Пустынники. Лихой люд междуречья. Опасные типы! Но ни разглядеть, ни услышать их Вепрь не мог – слишком далеко. [1]

– Подберёшься ближе? – предположил Призрак.

«Нет», – мысленно ответил Вепрь.

– Вернёшься и доложишь кагану?

«Нет».

– А что же тогда?

«Ничего. – Вепрь развернул коня. – Это не моё дело».

Призрак явно обиделся: до самого возвращения не проронил ни слова, а потом и вовсе исчез. Вепрю было плевать. Он добрался до охотников, натужно разделил восторги Таймура по поводу доброй добычи и уселся под тентом с флягой воды.

Ближе к закату вернулся Енкур. Юный каган, похоже, даже не заметил отсутствия советника.

– Там, у холма отличное место, – сообщил Служитель. – Рядом сардоба, полная воды, поросье мятлика и колючек вдосталь. [2]

– Молодчина, Енкур, – отозвался каган. – Туда и отправимся. Только сперва поймаю ещё куропатку. А лучше – двух!

– Как будет угодно повелителю.

Повелителю было угодно охотиться до морковкина заговенья. Благо, темнело в пустыне рано, резко и основательно, иначе бы он до утра не угомонился. Лагерь разбили только с первыми звёздами, и Таймур собрал всех у костра, отпраздновать удачную охоту.

Вепрь ещё раз отметил, что у пацана все задатки отличного правителя: он умело держал себя, находя нужный тон и для ловчих, и для стражей, и даже для рабов.

Его любили. И, если не случится мятежа, будут любить ещё долгие годы.

Вепрь сморщился. Картина, увиденная в колючих сопках, встала перед глазами так ясно, что даже вода показалась горькой.

ТЬфу ты, погань. Неужто Призрак прав, и следовало вмешаться? Нет уж. Лезть в чужое дело, всё равно что добровольно башку в петлю засовывать. К тому же, мало ли, о чём они толковали? Может, Енкур искал развлечений на ночь. Или хотел купить пару унций запретного грибного чая, чтобы немного расслабиться после тяжёлого дня. Кто знает!

Призрак знал. Чуял. А он, Вепрь, плюнул на чуйку и сунул голову в песок, как та диковинная птица, что обитает в зверинце Сиятельной каганэ.

Ладно, к чёрту всё. Ни к чему вертеть так и эдак: что сделано, то сделано – молоко обратно в вымя не запихнёшь. Так что...

Спать. Пора отправляться спать. Голова тяжёлая, как чугунный жбан. Веки точно свинцом налились. Вепрь зевнул. Поднялся и неровной походкой добрался до нужного шатра. А добравшись, повалился на лежак без задних ног и мгновенно захрапел.

Удар, удар, удар...

Снилась ли битва? Шла ли взаправду? Он не знал. Лязг стали в ночи доносился словно через вату. Крики становились то тише, то громче. Глаза не хотели открываться категорически. Руки не слушались.

Это сон. Просто сон. Один из сотен таких же. Мало, что ль, снилось сражений? Да, почитай, каждую ночь! То песеголовцы нападают, то некры обороняются, то неведомое чудовище женским голосом хохочет. Сейчас он проснётся, и всё пройдёт...

Так. Его что, схватили? Схватили и потащили? Серьёзно?

Вепрь силился высвободиться из объятий сна, но они оказались крепкими, как чугунные кандалы. Странно это. Сквозь мутную пелену забытья он видел лица, скрытые шемагами. Чувствовал, что его куда-то волокут. Но вырваться не мог. Не мог даже пальцем шевельнуть.

«Вода... – запоздало сообразил он. – Горькая вода...»

– Похоже, тебя опоили, мелкий, – шепнул Призрак. Вепрь не видел его, но отчётливо слышал: голос звучал прямо в голове.

Похоже на то...

– Не смей отключаться! – велел Призрак громким шёпотом.

Легко ему говорить!

Вокруг царил темнота, суета, какая-то непонятная возня. Кто-то ругался. Кто-то кричал. Кто-то мычал. Звал на помощь. Лошади ржали. Гончие лаяли. Воняло гарью, кровью и паникой.

– Тяжёлый! – посетовал один из тех, кто его, Вепря, волок.

– Давай его сюда, – отозвалась долговязая тень, и голос показался смутно знакомым. – Вложи ему в руку ятаган. Да не этот! Окровавленный. Вот. В самый раз.

– Неужто купятся?

– Ещё как, – заверил долговязый. – Парень не в ладах с головой. Это легко проверить. До того, как попасть на лерийское судно, он вырезал в Гиблостепях кучу народа. Его даже прозвали Чёрным Жнецом.

– Звучит дельно, – отозвался пустынный. – Главное, чтобы не кинулся следом.

– Не кинется, – отмахнулся долговязый. – Сутки на ноги не встанет: средство добротное, проверенное. Наш след успеет простыть.

Пустынник кивнул.

– Вижу, ты всё продумал.

Долговязый хмыкнул.

– Ещё бы. Ставки слишком высоки.

– А ежели сболтнёт лишнего? – пустынный легонько пнул Вепря носком сапога.

– Не сболтнёт, – с завидной уверенностью заявил долговязый. – Он нем, как рыба. Да и кто станет слушать раба?

Шемаг – арафатка. Мужской головной платок.

Сардоба – гидротехническое сооружение для сбора и сохранения пресной воды в засушливых районах (пустынях и полупустынях). Представляет собой каменный купол над широким колодцем.

Мятлик – травка такая.

ГЛАВА 11

– Проснись...

Багряное небо. Альый песок. Красные звёзды пляшут вокруг кровавой луны.

– Проснись...

Изрубленные тела. Сладковатый запах мертвечины. Вороны выклёвывают глаза. Шакалы лакомятся сочными потрохами. Весь лагерь завален трупами. Ловчие, псарь, конюхи, стражи...

Он убил их. Убил их всех.

В трещинах такыра пузырится маслянистая чёрная жижа. Она выплёскивается на поверхность и принимает форму длинных осклизлых ручищ с узловатыми пальцами. Полу-жидкие длани тянутся к нему, стискивают предплечья, кандалами сцепляют голени, хватают за горло, парализуют, лишают возможности двигаться и дышать.

– Убийца... – раздаётся из-под земли. – Убийца! Твоё место среди нас. Твоя душа прогнана. Ты наш теперь. Ты наш!

– Проснись...

«Не хочу. Не могу»

– Ты должен. Иначе нельзя. Каганэ уже хватилась сына. Если тебя найдут, попытают до смерти!

Ласковый женский голос звучит сразу со всех сторон. Льётся с неба, шелестит в траве. Он знает этот голос. Хорошо знает. Как и его обладательницу. Увидеть бы её, хоть на мгновение. Обнять. Уткнуться носом в тёмные локоны...

Но этому не бывать. Никогда больше не бывать. Всё ушло. Растаяло дымкой. Не осталось ни надежды, ни веры, ни памяти.

«Пуускай попытают, – отвечает мысленно, а чёрные щупальца обвивают коконом, стонут, пищат, норуют утащить под землю. – Всё опостылело»

– Знаю. Но надо бороться. Быть сильным. Проснись!

«Когда просыпаюсь, забываю тебя. Забываю, кем был когда-то»

– Потерпи. Ты вспомнишь. Обязательно вспомнишь. Просто надо вернуть... – голос отдаляется.

Что? Что вернуть?

– Имя! – кричит она откуда-то издалека. – Ты должен вернуть имя, и тогда...

Вепрь очнулся так резко, что дыхание перехватило. Сел. Проморгался. Поглядел на клинок в руке, перевёл взгляд на залитый кровью лагерь и выматерился. Долго. Грязно. И... совсем не беззвучно.

– Ого! У кого-то голосок прорезался? – Призрак присел рядом на корточках.

– Твою мать... – Вепрь зажмурился и мотнул головой. Увы, ничего не изменилось. – Это... моя работа? – Он кивнул на изрубленные тела.

– Не помнишь? – с тоской спросил Призрак.

– Мне снился голос, – признался Вепрь. – Он велел проснуться.

– И ты проснулся, – кивнул Призрак. – А теперь вспоминай.

– Кто ты?

Призрак отвёл глаза и, кажется, погрузился.

– Это ты тоже вспомнишь, но позже. Сейчас важно другое. Сосредоточься!

И Вепрь сосредоточился. Смежил веки, надавил пальцами на виски и накрепко извилины так, что чуть вены на лбу не полопались.

– Енкур... – пробормотал, не открывая глаз. – Он... опоил меня. И решил выставить козлом отпущения. Его люди перебили свиту и...

– И...? – Призрак смотрел выжидательно.

– Таймур! – Вепрь вскинулся и попытался встать. Не вышло. – Каган у них.

– Что думаешь делать?

– Выслежу и отоблю. – Вепрь всё-таки поднялся. Ноги норовили подогнуться: шатало, как на корабле в шторм. – Но сперва поессу.

Призрак хохотнул.

– Смотрю, Енкурова отрава пошла на пользу: к тебе вернулось твоё особое обаяние. Это радует.

Вепрь покосился на него, но ничего не сказал. Этот тип – лишь помутнение в башке, не более, но...

Без него было бы совсем тошно.

Перед тем, как двинуться в путь, Вепрь тщательно обследовал лагерь. Позаимствовал у мёртвого стража португую с ножнами и подогнал ремни под себя, сорвав к чёртовой матери шнуры добрых намерений. Тщательно протёр ятаган от крови, на всякий случай прихватил второй, а заодно разжился кинжалом – его он вытащил из-под лопатки лежащего ничком сокольника. В палатках нашлись фляги, фрукты, хлеб и сыр. Вспомнив горькую водицу, Вепрь – от греха – опорожнил бурдюки и, спустившись к сардобе, тщательно прополоскал и наполнил заново. Фрукты оставил птицам, а вот хлебом и сыром не побрезговал: запеленал в тряпицу и сунул в заплечный мешок.

Коней нападавшие угнали, но неподалёку от разорённого лагеря бродил одинокий верблюд. Не лошадь, конечно, но всё же.

Вепрь приблизился к горбатуму. Схватил за повод.

– Ну? – спросил строго. – И что ты за скотина такая?

Верблюд смерил его долгим грустным взглядом и плюнул в харю. Смачно так. От души.

Призрак зашёлся хохотом.

Вепрь утёрся рукавом, взобрался на горб, вдарил наглецу пятками и рявкнул:

– Поехали!

И они поехали. Правда, хамоватого верблюда всё время приходилось понукать: гад засматривался на колючки, не был в восторге от крутых подъёмов и один раз чуть не опрокинул ездока башкой в песок. Но Вепрь приспособился: и не с таким справлялись. В иссохших зарослях удалось отломать длинный крепкий прут, и дело пошло на лад. Наглая верблюжачья морда быстро усвоила, что новому хозяину лучше не перечить – уж больно рука тяжёлая.

– Похоже, Енкур давным-давно замыслил похищение, – проговорил Призрак, бодро шагая рядом. В ночь заметно похолодало, и дышалось легче.

– Похоже на то, – буркнул Вепрь.

– А ты понадобился для отвода глаз.

Вепрь кивнул. Конечно, для отвода. При неудачном раскладе Енкур заявит, что чудом спас кагана от слетевшего с катушек невольника. А при удачном...

– Таймур ценный заложник, – озвучил Призрак его мысли. – Ценнее некуда. Покуда он в руках Енкура, Айра будет делать всё, что велят.

– Это не мои проблемы, – сухо бросил Вепрь.

Призрак матюгнулся и всплеснул руками.

– А какого ж ляда ты бросился вдогонку?

Вепрь помрачнел.

– Не люблю, когда меня используют.

– Кто бы говорил! – Призрак ускорил шаг. – Последний год тебя пользовали все, кому не лень. Так и эдак, кто во что горазд. А уж про совокупления с рабынями на потеху Сиятельной каганэ я вообще молчу.

– Это другое.

– Конеч-е-чно! – сардонически протянул Призрак и закатил глаза. – Просто признай – у тебя доброе сердце.

Вепрь зыркнул волком и огрел заленившегося верблюда по крупу.

– Ладно, будет с тебя, – отмахнулся Призрак. – Скажи лучше, как речь вернулась.

– Не знаю, – признался Вепрь. – Я просто услышал голос... и захотел ответить.

Призрак отвернулся и уставился куда-то на барханы. Вепрь вмиг сообразил, что к чему.

– Ты знаешь, кто говорил со мной. Так ведь?

– Возможно, – не стал отпираться Призрак.

– Но не скажешь.

– Не могу. Пока сам не вспомнишь, я бессилен. В конце концов, я всего лишь... – как ты там меня назвал? – помутнение.

Вепрь с пониманием кивнул и наподдал верблуду. Ночь таяла, и надо было торопиться.

Остановить верблюда оказалось ещё сложнее, чем разогнать. Вепрь с великим трудом угомонил зверюгу и чудом заставил опуститься на колени. Спрыгнул и припал на колено сам. Блеск он заметил ещё издали.

– Что там? – Призрак заспешил к нему. Навис над плечом.

– Таймуров перстень, – Вепрь продемонстрировал находку. Крупный топаз холодно сверкнул в лунном свете.

– А парень-то не промах! – усмехнулся Призрак. – Соображает. Похоже, мы уже близко.

– Похоже на то... – эхом отозвался Вепрь и нахмурился: порыв ветра принёс с собой запах, который узнал бы любой.

Люди Енкура оказались достаточно умны, чтобы не разжигать костров, но даже мудрейший из мудрецов не сумел бы отговорить лошадей гадить.

Пахнуло конским дерьмом.

– Пошли, – скомандовал Вепрь. – Я чую, где их искать.

ГЛАВА 12

Если спуститься с Гаюн-бархана, взять к северу и ехать четыре дня, можно добраться до истока реки Тамук. Это крохотный родничок среди угрюмых неприступных скал. Ну а если повернуть к югу и сойти по перевалам в ущелье, неминуемо упрёшься в непролазные заросли

тарханского терновника, шипы которого напитаны смертельным ядом. Никто в здравом уме не полез бы туда добровольно. Именно это делало путь отличным укрытием для всех, кто не в ладах с властью великих каганов.

Туда Вепрь и направился. Верблюда, правда, пришлось оставить. Но это и к лучшему.

Сплошная стена острых игл озадачила и сбила с толку. Конечно, можно распластаться на пузе и рискнуть пролезть под шипастыми ветками, но... Как же тогда пробрались похитители? С ними пленённый каган, свои и угнанные лошади, Енкур, который вряд ли способен ползать на локтях...

Нет, что-то тут не чисто. В чём же секрет?

Следов рядом с зарослями Вепрь не обнаружил, сколько не искал. Только зря время потратил. Потом попытался раздвинуть колючие ветви. Уколотся и пришлось отсасывать яд. Попробовал обойти густую поросль, но она упёрлась в отвесные склоны.

Погань!

Он стоял, чесал в затылке, хмурился и прикидывал варианты, когда услышал истошные, полные отчаяния вопли.

– Ы-а-а-а-а! Ы-а-а-а-а!!!

Вепрь аж подпрыгнул. Выхватил меч и... понял: орёт верблюд.

Горбатая скотина угодила лапищей в засохший колодец – таких по всей тарханской равнине пруд пруди – и ухитрилась застрять.

– Придётся выручать товарища, – беззлобно усмехнулся Призрак. – Как-никак, он тебя на своём горбу пёр.

Вепрь выплюнул пару ругательств и побрёл к зверюге. Нога зацепилась основательно, пришлось постараться, чтобы вызволить беднягу. Благо, горбатый сообразил, что ему помогают, и особо не рыпался.

Но под мозолистой верблюжьей ступнёй оказался вовсе не колодец. Там оказалась...

Твою ж ковригу!

– Мелкий... – глухо пробормотал ошарашенный Призрак. Ломкая, заморённая жарой почва крошилась и сыпалась, точно песочная коврижка, обнажая прореху, сквозь которую виднелись каменные своды. – Да там же подземный ход! Ай, да верблюд! Ай, да сукин сын!

Недолго думая, Вепрь руками раскопал дыру, чтобы можно было втиснуться, и спрыгнул вниз. На голову полетели комья засохшей земли вперемешку с песком и камнями.

Пещера оказалась на удивление широкой, длинной и такой тёмной, что приходилось двигаться ощупью. Ясное дело, здешние обитатели преодолевали его с факелами, но такой роскоши у Вепря при себе не имелось. Хорошо хоть, дорога проторенная, нахоженная. А судя по тому, что он угодил сапогом в свежую конскую лепёху, проезжали здесь совсем недавно.

Интересно, где спрятан вход? Впрочем, неважно. Сейчас гораздо важнее добраться до выхода.

Наконец, впереди показался проблеск света. Тонюсенькая полоска: луч восходящего солнца просочился в щель промеж плотно сколоченных досок.

Вепрь вжался в стену и прислушался. Выход охраняли двое.

Говорили на тарханском. Быстро, бегло, с прибаутками и каким-то совершенно невыносимым акцентом, поэтому различить удалось лишь отдельные слова.

Завтра. Ждать. Гонец. Условия. Засранец. Держать месяц. Резать глотку.

Этого хватило. Не требовалось быть знатоком наречий, чтобы понять: каган в серьёзной опасности.

Погань!

Вепрь прильнул к щели и попытался рассмотреть убежище пустынников. Получилось плохо: молодецкая спина часового закрывала весь обзор. Вот же...

Вепрь бесшумно извлёк кинжал из ножен.

– Ты ведь не попрёшь на пролом? – шепнул Призрак.

Ответом послужил тяжёлый взгляд. За кого этот тип его принимает? За идиота?

Вебрь отступил глубже, в самую темень. Подождал, чтобы глаза как следует привыкли, нашарил мелкую каменюку и запустил в деревянную дверь.

Часовые вмиг заткнулись. Один кивнул другому, отпёр засов и всмотрелся в чернильную мглу пещеры. Глядел долго. Внимательно. А потом бросил напарнику что-то на своём тарбарском и шагнул под высокие каменные своды.

Вебрь затаился. Притих.

Пустынник обнажил короткий широкий меч с изогнутым лезвием и, осторожно ступая, прошёл несколько ярдов. Удостоверился, что пещера пустая, развернулся, чтобы уйти, и...

Вебрь напал сзади. Ухватил, крепко зажав рот ладонью, и ударил в сердце. Бил наверняка, как учили. Так, чтобы жертва даже пикнуть не успела.

Пустынник обмяк, Вебрь осторожно прислонил его к стене и... схватился за голову: боль прострелила от лба до затылка. Пришлось закусить губу, чтобы не взвыть.

Бил, как учили... Как учили... Учили...

Вот же... погань!

Удар. Удар. Ещё удар. Лезвие впиивается в деревяшку. Снова, и снова, и снова... но наставник недоволен.

– Сопляки! – орёт, что есть мочи. Даже ливень пасует перед басовитым рёвом. – Вы не способны даже курицу зарезать! Отложить кинжалы! Разбиться на пары!

Чернявый встаёт напротив и подмигивает. Мокрый насквозь, он всё равно выглядит довольным и на редкость бодрым. После непрерывной – от рассвета до заката – тренировки под проливным дождём это особенно странно. Вот же...

– Ну, что, Мелкий. Кто будет первым? Ты или я?

Он не отвечает. Кидается. Чернявому хватает полмгновения, чтобы заломать его, «заколоть» и опрокинуть в грязь.

Наставник кивает, сложив на груди могучие руки.

– Уже что-то, – похвала выходит сухой и чёрствой, как плесневелая корка. – Подними его и повторите дюжину раз. И, Полумесяц, если надумаешь играть в поддавки, отправлю чистить конюшни. Обоих. Ясно вам, засранцы?

– Хей, мелкий. Мелкий... Ты как? – Призрак хотел потормозить его за плечо, но ничего не вышло, и он отнял руку. – Порядок?

– П-порядок... – выцедил Вебрь, проморгавшись. Хорошо хоть не отключился, а то каждое мгновение на счету. Он вскинул голову, поглядел на Призрака и выдал: – Тебя кличут Полумесяцем.

– От те нате, – хохотнул Призрак. – Вспомнил! Слушай, кроме шуток, надо вызнать, что это за пойло такое у Енкура.

– Пойло здесь ни при чём. – Вебрь стащил шемаг с покойника и кое-как замотал себе рожу. – Я слышал голос. Он велел...

– Проснуться, помню.

– Не только. – Вебрь скользнул взглядом по мечу убитого. Взять – не взять? Решил не брать. Второй ятаган тоже лучше оставить: ни к чему он. А вот запасной кинжал это дело. – Я должен вспомнить имя. Тогда верну память.

Призрак кивнул.

– Память важнее всего.

Вебрь осёкся. Вперился взглядом в невидимого.

– Ты мне это уже говорил.

– Возможно.

– Обсудим позже. – Вепрь снял с пояса пустынного кинжала и сунул за голенище. – Сперва вызволим кагана.

– Не возражаю, – улыбнулся Призрак. Как там его? Полумесяц... Ну надо же. Что за странное прозвание!

В чужой робе, с закрытым шемагом лицом Вепрь выбрался из пещеры. Второй часовой не сразу смекнул, что к чему, и заветное мгновение было выиграно: пудовый кулак вырубил растерявшегося стража тихо, чётко и без лишней суеты. Путь был открыт.

Вепрь шёл не торопясь, зорко подмечая, что и как. Лагерь кишел пустынниками. Сверху, на уступах, дежурили арбалетчики. Всадники чистили коней. Главари громко и жадно делили добычу. Рядовые боевики азартно метали кости, расположившись под выцветшими полосатыми тентами. Чуть поодаль болтались подвешенные над землёй клетки. Первая пустовала, во второй жарился на солнце пожелтевший скелет – Призрак решил, его оставили исключительно для устрашения пленников, – в третьей сидел, скукожившись, Сиятельный каган Таймур Тархан. Вепрь не видел лица парня, но подозревал, что синие глаза правителя остаются сухими – мальчишка не из тех, кто станет лить слёзы.

Маскировка удалась на славу – никем не замеченный, Вепрь подобрался к клетям и, приблизившись к прутьям, шепнул:

– Ключи.

– От твоего красноречия, Мелкий, конидохнут, – сердито шикнул Призрак-Полумесяц. Таймур встрепенулся, подобрался и уставился с непониманием.

– У кого ключи от клетки, – повторил Вепрь и приспустил платок, открывая лицо.

– Ты?! – глаза вытаращил зенки и разинул рот. – Но... как? И ты... говоришь! Ну у тебя и выговор! Прямо как у матушки!

– Ключи!

– Кажется, их забрал Енкур...

Вепрь мысленно матюгнулся. Кажется ему. Точно нужно знать!

– Где он?

– Там, в скале, – указал мальчонка кивком. – С самым главным главарём.

Погань! Час от часу не легче.

Вариантов имелось немного. Первый – отыскать Енкура и каким-то макаром спереть ключи. И второй – расхреначить клеть на глазах полусотни вооружённых до зубов пустынников.

Вывод напрашивался сам.

– Жди, – велел Вепрь.

ГЛАВА 13

Отыскать нужную пещеру оказалось непросто: переходы в скалах петляли, как в лабиринте, и всюду сновали пустынники. Благо, большинство не обращало на Вепря никакого внимания: одетый точь-в-точь, как они, он сделался невидимкой. Но расслабляться не приходилось: любой мимолётный вопрос или оклик мог стать приговором – наречия боевиков Вепрь почти не понимал.

В первой же пещере, куда он сунулся, обнаружили незапертые сундуки, доверху набитые серебром и самоцветами. Во второй – такой низкой, что пришлось согнуться в три погибели – валялись затупленные, покрытые ржавчиной мечи и дырявые доспехи, полупустые колчаны и пробитые палицами шлемы – кровавая дань поверженных врагов. В третьей кто-то

зычно храпел. В четвёртой бурлил котелок и приторно воняло грибным чаем. Пятой оказалась уже разведанная первая, и Вепрь выматерился, сообразив, что заплутал.

Погань!

Он зашёл, откуда вышел, и уже собирался начать путь сызнова, но заметил пустынного и вжался в стену: не хватало ещё, чтобы его застали рыскающим среди драгоценных запасов – лишние проблемы сейчас ни к чему.

Пустынный шагал, тихонько насвистывая, и тащил закупоренный кувшин и две чаши. Две на редкость богато украшенных чаши. Серебряные, с золотой каёмкой и массивными резными ножками.

Вепрь нахмурился. Вряд ли рядовой пустынный стал бы пить из таких. Парадная посуда для особых гостей, уж таков обычай. А значит...

Бесшумной тенью он выскользнул из укрытия и двинул следом. Пустынный рассекал по каменным коридорам с завидной уверенностью и в конце концов вышел к просторной пещере. Только войти туда Вепрь ему не позволил. Перехватил на подходе, зажал рот, втащил в угол и с хрустом свернул шею.

– Твои люди – совершеннейшие дикари, – изрёк Енкур, когда закутанный в шемаг Вепрь неуклюже наполнил его кубок. Говорил Служитель на новотарханском, и понять его не составляло труда. – Впрочем, ты и сам не лучше. Вот скажи, к чему держать мальчишку в клетке? Как никак, он – каган.

Его собеседник – широкоскулый здоровяк с оливковой кожей и глазами узкими, точно щели – усмехнулся. В оскале блеснул золотой зуб.

– Пока ещё каган, – пробасил он, особенно выделив злосчастное «пока». – Ты умён, старый Енкур, но многого не знаешь. Клеть ломает волю. День-два на жаре, и за глоток воды он мне сапоги вылижет. А заодно и тебе. Подлей-ка ещё! – рявкнул, обращаясь уже к Вепрю, и протянул чашу.

Вепрь подчинился. Склонился, чтобы наполнить кубок и замер. На поясе узкоглазого болталась тяжёлая связка.

Вот оно!

Стало быть, ключи не у Енкура вовсе!

– Хей! – узкоглазый пнул его сапогом. – Живее!

– Тебе бы рабом разжиться, – посоветовал Енкур. – Они куда расторопнее.

– Пустынные не держат рабов, – мрачно изрёк узкоглазый. – И тебе известно, почему.

– Зато берут заложников.

– Это другое!

Оба захохотали, а Вепрь поспешил освежить кубок Служителя-предателя.

– Ты так и не сказал, кто заказчик, Сартак, – сказал Енкур, глотнув вина.

Узкоглазый смерил каганского советника недобрым взглядом.

– Тебе это знать ни к чему, – изрёк с прохладцей. – Ты получишь всё, о чём просил. Свободу, золото, корабль и войско. Отправляйся на поиски своего дракона, безумный старик, а Тамук-Тархан оставь моим заботам.

– Считаешь меня безумцем?

Сартак фыркнул.

– А кто ещё верит в драконов? Только безумцы!

– Когда-нибудь я докажу, что прав, – спокойно вымолвил Енкур.

– Когда-нибудь я освобожу пустыни Тархана от рабских оков, – отозвался Сартак и поднял кубок.

Енкур отсалютовал в ответ.

– За смелые мечты! – сказал он и сделал глоток. – Но, справедливости ради, замечу: добыть дракона куда как проще.

– В разы! – Сартак расхохотался, сияя золотым зубом, и окликнул Вепря: – Неси ещё вина. И захвати пожрать.

Вепрь учтиво поклонился и вышел, сжимая в кармане заветные ключи.

– Свобода... – пробормотал Призрак, когда Вепрь быстрым шагом двинул к выходу из пещер. – Так вот, за что они борются.

Вепрь осторожно выглянул и осмотрел лагерь. Навроде всё как всегда: арбалетчики бдят, прохаживаясь по склонам взад-вперёд, всадники возятся с конями, игруны метают кости, часовые несут караул. Тишь, гладь да благодать.

– Наверное, пустынные беглые рабы, – предположил Призрак. – Скорее всего – каторжане с рудников.

Вепрь выскользнул из-под каменного свода, перебежал к противоположной скале, чтобы солнце светило в спину – при таком раскладе даже самый меткий стрелок не сумеет толково прицелиться, – и подобрался к клетям.

– Рисковый ход, похитить самого кагана! За ними кто-то стоит, не сомневаюсь. Кто-то очень могущественный. Этот кто-то прикрывает им спину, но резоны имеет свои. Что скажешь?

– Заткнись.

Сощурившись, Вепрь наблюдал за перемещениями часовых.

– А, ну, это, конечно, аргумент, – фыркнул Призрак-Полумесяц. – Ты деликатен, как никогда, Мелкий. Кстати, ежели интересно, один из игрунов позвал часового под тент – сделать ставку.

Вепрь заметил это и без указки. Удачнее момента не придумаешь. Рывок, едва заметное движение – ключ с тихим щелчком провернулся в замке, – и клеть распахнулась.

– Вылезай, – скомандовал шёпотом. – Быстро!

Таймур – целый и невредимый – выбрался наружу. Это радовало. Из скального укрытия выскочил бордовый от гнева Сартак, за спиной которого маячил бледный, как полотно, Енкур. Видать, они-таки обнаружили мёртвого чашника и пропажу ключей. Это огорчало.

Погань...

– Вон он! – палец узкоглазого безошибочно ткнул в Вепря. – Держите сучьего сына!

Пустынники обнажили мечи, а арбалетчики на скалах взяли беглецов на прицел.

Деваться было некуда. Вепрь извлёк ятаган из ножен, закрыл собой мальчишку и осторожно подался назад. Один шаг. Второй. Третий. Достаточно. Там, за спиной, в тридцати ярдах против солнца – вход в подземный тоннель.

Ему не улизнуть, и гусю понятно. Однако этого и не требовалось.

– В пещеру, – глухо скомандовал кагану. – Быстро!

– Но...

– В пещеру, сказал!

Таймур подчинился, драпанул к скале и занырнул в тёмный зёв перехода. По мальчишке не прилетел ни один болт: ясное дело – ценный заложник нужен живым.

Вепрь же остался один на один с пустынным войском, закрывая собой подходы к тоннелю. Пауза неприятно затягивалась, а в таких случаях уместно только одно: бить первым. И Вепрь ударил.

Ятаган со свистом рассек воздух, и сталь запела. Песнь нарастала с каждым ударом. Вепрь не строил иллюзий: знал, что умрёт. Слишком уж много пустынных на него одного. Попросту числом задавят. Если не достанет вражий клинок, то свалит меткий выстрел. Другого не дано. Но...

Вепрь намеревался забрать с собой в могилу как можно больше супостатов. И уже открыл счёт.

Раз – невысокий, но юркий пустынный умело блокировал атаку сверху, но прозевал кинжал в бочину.

Два – высоченный бугай свалился, когда ятаган полоснул по икрам.

Три – сразу два пустынного рухнули: один с рассечённой глоткой, другой со вспоротым брюхом.

Четыре... в плечо со свистом впиалась железная оса: арбалетчики открыли огонь. Руку прошло болью, и Вепрь не успел отразить атаку.

Удар должен был снести полбашки. Должен. Но не снёс. Летящий меч блокировал Таймур. Мальчонка выскочил из пещеры, как бес из коробки, и с боевым кличем кинулся наперерез. В руках он сжимал ятаган. Тот самый, который Вепрь оставил за ненадобностью в секретном переходе...

Твою же погань!

– Обалдел? – рявкнул Вепрь, когда посыпались удары.

– Я тебя не брошу! – прокричал каган, орудуя клинком не слишком умело, но яростно.

– Не зацепите мальчишку! – возопил Енкур с другого конца лагеря.

– Лазутчика в расход! – командовал Сартак.

– Держись! – орал Призрак. Белее мела, встрёпанный, с лихорадочным блеском в глазах он внимательно следил за схваткой, крепко стискивал кулаки, но помочь ничем не мог.

Вепрь вдарил с разворота, отпрыгнул, пригнулся – меч свистнул над самой макушкой. Сшиб одного гада подсечкой. Перекатился. Вскочил. Зарычал, сдерживая натиск... и чуть не ослеп от боли, когда острая сталь прошлась по пояснице. Кровь хлынула, как из резаной свиньи, и новая атака вышла слабой. Пустынный без труда отразил выпад и контратаковал, а товарищи дружно его поддержали. Острое лезвие рассекло щёку. Тяжёлый сапог саданул под колено. Ятаган обрушился сверху. На то, чтобы не дать разрубить себя надвое, ушли последние силы. Вепрь не устоял и рухнул в лужу собственной крови.

– Х-ха-а-а-а! – Таймур бросился в атаку, чтобы защитить его, но ничего путного из манёвра не вышло: меч без труда выбили из рук юнца, а его самого схватили и скрутили. Каган тут же забился, пытаясь высвободиться. – Не трогайте! Не смейте! Не убивайте его! Ай!

– Стойте! – Енкур подбежал и опустился на колено, марая длиннополюю робу в крови. – Кому ты служишь? Отвечай!

Он сдёрнул шемаг с лица Вепря и шумно выдохнул:

– Ты?!

Хотелось сказать в ответ что-нибудь приятное, но, когда захлёбываешься кровью, особо не до любезностей. Поэтому Вепрь выплюнул короткое ёмкое:

– Паскуда...

Енкур улыбнулся.

– А ты молодец, – сказал, извлекая из бесконечных складок мудрёного одеяния кинжал. Короткий, тонкий, с тремя заострёнными гранями. Такими не режут. Колют. – Почти заставил поверить в немоту. Но я-то знал, что ты не прост. Прощай, Чёрный жнец. На том свете свидимся.

Он замахнулся. Тонкий клинок блеснул, поймав солнечный луч, и... длинная стрела навyleт пробил горло Служителя. Енкур захрипел и ничком повалился на Вепря.

– Матушка! – Таймур задрал голову, и пустынные разом посмотрели вверх.

На скалистом гребне гарцевала на белоснежной кобыле Сиятельная каганэ. А за её спиной стояла тарханская армия.

Снился зимний лес. Пятна крови на белом снегу казались россыпью гранатовых бусин. Бой во сне кончился почти так же. Только там он боролся с вампиром, кажется. Точнее, с вампиршей. Сиськи у неё конечно – просто... ух, какие! Призраку-Полумесяцу особенно глянулись. А ещё там был евнух. Тот самый, черноволосый, с премерзкой ухмылочкой. Вот же...

Вебрь долго не мог прийти в себя после таких ночных приключений и чуть не опоздал на аудиенцию.

Айра сидела, подперев подбородок, и задумчиво пялилась на деревянную доску, где вели бой чёрные и белые фигурки, искусно вырезанные из слоновой кости. Каганэ переставляла их, подолгу обдумывая каждый ход. Когда чёрная костяная башня с лёгким стуком повалила нарядного белого кагана, Айра соизволила заметить визитёра.

– Умеешь играть? – поинтересовалась, заново расставляя фигурки.

Вебрь мотнул головой.

– Полноте, – пожурела каганэ. – Говори нормально.

– Не умею.

– Хочешь, научу?

– Нет.

Айра улыбнулась.

– Я каганэ. Мне не отказывают.

Вебрь вздохнул и опустился рядом.

– Как твои раны? – спросила Айра, размещая каждую фигурку на особой клеточке.

– Жить буду.

Она подняла глаза и смерила его долгим взглядом.

– Каганэ вознамерился отблагодарить тебя за спасение. Проси, что хочешь – он исполнит любое желание... в разумных пределах, разумеется.

– Ничего не нужно.

Айра пропустила ответ мимо ушей. Подняла с доски самую красивую фигурку и принялась рассматривать.

– Это каганэ, – сказала она. – Её власть на доске безгранична. – Айра вернула фигурку на место и взяла другую. – А вот каганэ слаб и беззащитен. Какая ирония!

– Она точно про игрушки сейчас толкует? – нахмурился сидящий на подоконнике Призрак.

Вебрь метнул на него быстрый взгляд и вернул внимание Сиятельной пэри. Однако она, казалось, говорила сама с собой.

– Иногда, чтобы сохранить кагана, приходится ставить его под удар. А ещё жертвовать кем-то... кем-то другим. Ради общего блага. Понимаешь?

Вебрь кивнул, хотя на самом деле не понимал ничего. Ох, уж эти высокие материи!

– Она о Енуре, дуболом, – подсказал Призрак. – Каганэ ловила мятежников на живца, а Енур стал разменной фигурой.

Айра вздохнула.

– Мне жаль, что так вышло. – Она коснулась его подбородка и вынудила заглянуть в глаза. – Тебе крепко досталось?

– Пустяки. – Вебрь лгал. Три дня он маялся в жестокой лихоманке, бредил, призывая какую-то хозяйку, и едва не отправился в золотые чертоги Солнца. Придворные лекари и знахарки сбились с ног, пытаясь вернуть его к жизни. На четвёртые сутки он пришёл в себя, но был так слаб, что не мог донести до рта кружки. Потребовалась без малого седмица, чтобы он сумел, наконец, встать на ноги. – Случалось и хуже.

– Не сомневаюсь, – сардонически изрекла Айра. – У меня, к слову, имеется для тебя особенный гостинец. В северных землях ходит легенда, будто если возлечь с поляницей, отступит любая хворь, а силы прибавится втрое. Слышал о таком?

Вепрь пожал плечами. Может, и слышал.

– Я выкупила одну по случаю. Лерийские ловцы бахвалились, что раздобыли редкий товар, и не соврали. Девственница. Чиста и невинна. Обошлась дороже, чем стадо верблюдов. Показать?

Вепрь собрался мотнуть головой, но вовремя вспомнил, что каганэ не отказывают.

Ладно, что уж там. Девственницей больше, девственницей меньше. Какая разница? Лишь бы сил хватило.

Он кивнул.

– Ведите! – крикнула Сиятельная каганэ, дважды хлопнув в ладоши. К игрушкам на доске она утратила всякий интерес. К чему они, когда есть живые куклы?

Поляница оказалась совсем юной – зим семнадцать, не старше. Белая кожа. Льяные волосы. Васильковые глаза. Связанные руки. Кляп во рту...

Предусмотрительно.

– Ну, что? – глаза Айры похотливо заблестели. – Развлечёшься? Или силы не те? Ежели слаб, я кликну Губителя дев. Уж он от такой красоты не откажется!

Вепрь поднял на каганэ сумрачный взгляд.

Она накрыла его пах ладонью. Легонько приласкала. Всё, что осталось – развязать тесёмки на штанах...

Девчонка смотрела так, будто он собрался её резать. Скулила и тарщила глаза. По щекам катились слёзы.

Глупая.

Вепрь ухватил её за ворот и резко дёрнул. Туника с треском разошлась по швам, открывая взору маленькие упругие груди с розоватыми сосками. Он накрыл одну ладонью, и по бело-снежной коже побежали мурашки. Девушку трясло. И она скулила всё громче, словно пытаясь что-то сказать. Вариантов имелось немного: либо начнёт молить о пощаде, либо осыплет проклятьями. Ни то ни другое сейчас ни к месту. Поэтому...

Вепрь перевернул поляницу, уткнув заплаканным лицом в подушку. Вторую подушку сунул под плоский девичий живот. Звонко шлёпнул по сочной ягодице – Айра очень любила, когда он так делал – и приготовился к главному.

– Госпожа! – челядин вполз в чертог как подобает: на четвереньках, опустив голову так низко, что лоб касался пола. Поднять глаза без дозволения он не решался: за такое полагалась дюжина плетей. – Госпожа! Разреши молвить!

Айра скривилась и дала Вепрю знак обождать.

– Говори, – велела челядину. – Да побыстрее, я занята.

– Каган требует вас к себе. Срочно. – Слуга весь сжался. Говорить подобное Сиятельной каганэ – смертный приговор. – Он изволил самолично допросить пустынных и... послал за вами, Госпожа.

Айра потемнела лицом.

– Без меня не начинай, – бросила она Вепрю. – Я скоро вернусь.

Приосанившись и гордо вскинув голову, Сиятельная каганэ покинула чертог, а Вепрь натянул штаны и плеснул в кубок воды из кувшина. Осушил одним махом и наполнил заново. Поляница продолжала всхлипывать и дрожать, и он осторожно перевернул её на бок. Вытащил кляп изо рта. Протянул чашу.

– Пей.

Но она не взяла чашу. Грудь её вздымалась часто-часто, а глаза сделались совсем безумными. Она тарасилась так, будто увидела ожившего мертвяка или чего похуже.

Вот же... Как бы умом с перепугу не тронулась. Этих девственниц хрен разберёшь!

– Пей, – повторил Вепрь, и поляница сморгнула набежавшие слёзы.

– Яр-ром-м-мир... – прошептала дрожащими губами. – Т-ты... ты меня не узнаешь? Это же я!

Она сказала что-то ещё, но он уже выпал.

Боль. Дикая боль. Словно тысяча раскалённых спиц разом вонзилась в череп. Перед глазами вспыхнули искры, в ушах зазвенело, из носа хлынула кровь. Хотелось орать, метаться и лезть на стену.

Вепрь схватился за горящую башку, рухнул на колени и взвыл.

Яромир... Яромир... Яромир...

Воспоминания сыплются, словно жемчуг с разорванного ожерелья.

– Тебя как зовут, супостат? – спрашивает звонкий мальчишеский голос, и всё меркнет, проваливаясь в бездну, из которой возникает хмурый здоровяк с длинными усами и русым чубом на лысине.

Здоровяк морщит лоб. Он явно недоволен.

– Как его имя? – вопрос сопровождается раскатом грома, но суровый бас звучит холоднее ненастья и режет, как сталь.

Вымокшая насквозь светловолосая женщина поднимает на великана полный надежды взгляд, собираясь ответить, но сверкает молния, и видение рассыпается осколками.

Вместо разбитого тракта теперь густой лес. А над ним луна – большая-пребольшая.

– Знаешь, было бы куда проще, если бы назвал своё имя. – Глаза блестят серебром. От тёмных локонов пахнет жасмином-чубушником. – Я же назвала своё!

Девушка в красном плаще с корзиной диковинных зимних цветов таёт, как дымка, и вокруг уже шумит пропахшая брагой и жиром корчма.

– Можно я буду звать тебя Яромиром? – статный белокурый красавец лукаво улыбается. Улыбка злая. Опасная. Так и тянет смазать по ней кулаком.

Но тьма сжирает и красавца. Всё плавится, преобразается, и перед взором встаёт новая картина.

Щекастый младенец на руках матери сосредоточенно посасывает палец, рассматривая мир синими глазёнками.

– Мы ещё не нарекли его. – Женщина смотрит на сына с бесконечной нежностью. – Если ты не против, скажи своё имя и мы...

Кажется, он что-то отвечает, но ответ растворяется в загадочном вихре. Он подхватывает и уносит всё дальше, и дальше, и дальше, а потом выплёвывает посреди опочивальни. Рядом сидит девушка. Она не хочет расставаться, но не в силах удержать.

– Скажи мне... Скажи, как тебя зовут. – В васильковых глазах отражается свет масляной лампы и бескрайняя печаль. – Я буду помнить твоё имя до конца своих дней и никому не раскрою. Никогда. Даже под пытками. Клянусь. Оставь мне его на память. Это единственное, что ты можешь мне дать...

И снова голос той, другой, что в красном плаще:

– Имя! Ты должен вернуть имя! И тогда...

Яромир... Яромир... Яромир...!!!

Кто-то настойчиво тормозил его за плечо.

– Яромир! Очнись! Очнись же! Ради Святого Неба... да что с тобой?

На морду плеснули холодной водой. А вот залепить пощёчину он уже не позволил: инстинктивно перехватил руку и всмотрелся в бледное личико.

Смотрел долго и внимательно. А когда насмотрелся вдоволь, прохрипел:

– Преслава? Тебя как сюда занесло?

ГЛАВА 15

Яр сорвал с роскошной каганской постели простыню и набросил на плечи Преславы. Уселся рядом. Сжал кулаки и хмуро уставился на них.

– Прости.

– Ничего, я понимаю... наверное... – отозвалась она и вдруг выпалила. – Хотя, нет. Не понимаю! Ты... делаешь *это* ради её забавы?

Преслава выразительно кивнула в сторону дверей, за которыми полсвечи назад скрылась Айра.

– Вроде того, – честно признался Яромир. Зачем отпираться? – Она меня купила.

– Купила?

– Да. Выкупила с Кровавой потехи. – Он поймал непонимающий взгляд. Преслава явно жаждала объяснений, но Яр был к ним не готов. *Не сейчас. Возможно, позже. Но только не сейчас.* – Долгая история. Выкладывай, зачем ты здесь?

– Мы приехали за тобой.

От признания перехватило дух. Чего?!

– За мной? – выпалил Яр, с трудом уместая в башку услышанное. – Мы? Кто... С кем...

Слова разбежались, как тараканы, но Преслава безошибочно уловила суть вопроса.

– Мы с Синегоркой отправились на твои поиски. Ты... ведь помнишь Синегорку?

Яромир кивнул. Как не помнить! Грудь колесом, чёрная коса толщиной в руку, крепкие икры... Разве такую забудешь? Только вот...

– На кой ляд вы за мной поёрлись?

– Нам сказали, ты в беде, – последовал бесхитростный ответ.

– Кто?

– Рыжий карлик верхом на чёрном коте, – ответ прозвучал более чем странно. – Он... просил отыскать тебя и передать кое-что. Сказал, ты поймёшь.

Яромир поглядел вопросительно.

– Цветок, – сказала Преслава. – Цветок с синими лепестками. Почти увядший.

Сердце заныло, а к горлу подкатил ком. Яр сглотнул.

– Где он?

– Прости... – княжна понурилась, и белокурые пряди упали на лицо. – Я потеряла его, когда напали солёные братья. Они подстерегли ладью у тарханских берегов, а потом...

Преслава вздрогнула.

– Не суть, – Яромир избавил княжну от необходимости говорить на больные темы. Главное, она цела. Остальное – мелочи. Сейчас важно другое. – Где держат Синегорку?

– Не знаю, – девушка сделалась совершенно несчастной и почему-то зарделась. – Меня... одну взяли.

– Слава Небу.

– «Слава Небу»? – она озадаченно уставилась, видимо, не веря ушам.

– Конечно, – подтвердил Яр с завидной уверенностью. – Синегорка успела уйти. Она на свободе и ищет тебя, а стало быть – непременно найдёт.

– Думаешь? – Преслава шмыгнула носом.

– Знаю. – Он заглянул девушке в глаза. – Синегорка своих не бросает. Никогда. Верь мне.

Княжна кивнула... и вдруг кинулась к нему на шею. Обняла крепко-крепко.

– Какое счастье, что ты жив!

На полмгновения застопорившись, Яромир обнял её в ответ. Прижал. И вдруг увидел у дальний стены...

Марий!

Полумесяц приложил палец к губам – тихо, мол – и заговорщически подмигнул. Вид у призрака был на редкость довольный.

Яр мысленно усмехнулся. Вот ведь...

Айра так и не вернулась. Вместо неё появился каган. Мрачный, как грозовая туча.

«Понял видать, что матушка плела интриги за спиной», – подумал Яромир.

– Похоже, забавам Айры пришёл конец, – протянул Полумесяц. – Жаль. Горячая была баба! Умела зажечь.

Ледорез хмуро зыркнул на товарища. Да, уж! Легко говорить. Не ему приходилось ложиться с невольницами по первой прихоти Сиятельной каганэ.

– Поверь, я бы справился, – заверил Марий.

«Не сомневаюсь», – мысленно ответил Яромир.

– Вепрь... – изрёк Таймур без долгих предисловий. Синие глаза кагана потемнели, а Преславу, казалось, он даже не замечал. – Матушке больше не понадобятся твои услуги... и ничьи вообще.

Ледорез кивнул. Каган продолжил.

– Все её... кхм... питомцы будут распроданы, а чертог разрушен: со дня на день я возьму жену и не хочу оставлять... гнездо разврата... – мальчонка помедлил. Вздохнул. Яр заметил, что глаза у него красные. Наверное, плакал или не спал всю ночь. Скорее всего и то и другое. – Ну а ты... Станешь моим телохранителем, наставником в ратных делах и новым советником, заместо Енкура.

Яромир медленно моргнул. Вот же!.. Марий закатился хохотом. Преслава продолжала сидеть, как сидела – она явно не знала тарханского и не понимала ни слова.

Таймур молчал. Видать, ждал реакции. Пришлось говорить.

– Я воин, – сказал он. – Не политик. А ты, каган, у меня в долгу.

– Знаю.

– И обещался выполнить любое моё желание.

– Помню.

– Освободи меня.

Таймур нахмурился. Просьба явно пришлась не к душе.

– Я предложил свободу сразу, как мы вернулись в Шатры, – напомнил он. – Ты отказался.

– Всё так, – кивнул Яромир. – Но теперь мне свобода нужна. Позарез.

– Что же переменялось? – не унимался юный каган.

Яр вздохнул. Ну, что ж. Сгорел сарай – гори и хата.

– Моя женщина в беде, – выдал без обиняков.

– У тебя есть женщина?

– Да. – Ледорез понурился. – И я ей нужен.

– Это она? – парень кивнул на Преславу.

– Нет.

Каган задумался и задумался всерьёз. Он медлил с ответом целую вечность: молчание затянулось так, что Преслава нервно заёрзала. Яр нашарил её ладонь и легонько сжал, успокаивая.

Наконец, Таймур заговорил.

– Хорошо, – сказал чуть слышно. – Раз так, я тебя не держу. Отправляйся на рассвете. Можешь взять в стойлах любого коня.

Яр кивнул. Он уже знал, какого именно жеребца выберет: Енкуров воронок давно запал в сердце.

– Благодарствую.

– Что-то ещё?

– Девушка, – он взглядом указал на Преславу, и та сжалась. – Подари её мне.

– Забирай, – равнодушно изрёк Таймур. – Матушкины игрушки мне ни к чему.

Ледорез постарался изобразить нечто, напоминающее улыбку. Каган улыбнулся в ответ.

– Прощай, Вепрь. Мне будет не хватать наших тренировок. – Он развернулся, чтобы уйти.

– Пстой, – окликнул Яромир. – Твоя мать... Не торопись с решениями. Пустынники могли оклеветать её.

Мальчик грустно усмехнулся и качнул головой.

– Ты и впрямь не политик, Вепрь, – сказал он. – Пустынники здесь ни при чём. Я бы никогда не отправил родную мать в башню из-за пустого поклёпа. Матушка затеяла опасную игру и проиграла. Она созналась во всём на допросе.

– Всё равно не торопись. – Яр хорошо знал, как тарханские палачи умеют допрашивать. – Всё-таки – мать.

Каган помолчал, кивнул и вышел. Преслава тут же всполошилась. В васильковых глазах смешались надежда и страх.

– Что? Что он сказал? – она вцепилась ему в руку.

– Сказал, что мы свободны, – изрёк Яромир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.